

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ,
ИЛИ
ГОРСКИЕ КНЯЗЬЯ.

Сочиненіе

Василія Нарѣжнаго.

*In arduis festina lente; procede
caute et paulatim.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1829.

ПЕЧАТАТЬ ДОВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чшобы по ошпечатаніи представ-
лены были въ Ценсурный Комитетъ при
экземпляра. Москва, Іюля 3го дня 1829 г.
Ценсоръ, Майоръ и Кавалеръ Сергій Глинка.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

		Стран.
ГЛАВА	1я. Вошь новости! - - -	1
-----	2я. Запрудненіе. - - -	8
-----	3я. Посоль. - - - - -	15
-----	4я. Намѣреніе къ войнѣ. -	20
-----	5я. Ухищреніе. - - - - -	26
-----	6я. Примѣрное воинство. -	37
-----	7я. Завтракъ Ханскій. - -	48
-----	8я. Всадникъ. - - - - -	54
-----	9я. Поправка въ дѣлѣ. - -	60
-----	10я. Походъ. - - - - -	66
-----	11я. Тревога. - - - - -	73
-----	12я. Способъ прокормленія. -	78
-----	13я. Непрѣшель въ виду. -	84
-----	14я. Единоборство. - - - -	91
-----	15я. Образумился. - - - -	101
-----	16я. Макукъ. - - - - -	110
-----	17я. Товарищъ въ нуши. -	115
-----	18я. Прѣшная дорога. - -	127
-----	19я. Новые подданные. - -	137
-----	20я. Цѣломудріе невѣсты. -	148

ГЛАВА	21 я.	Двойной плѣнь. - - -	152
-----	22 я.	Не совсѣмъ дурно. - -	156
-----	23 я.	Счастіе войны пере- мѣнчиво. - - - -	161
-----	24 я.	Слѣдствія мира. - -	170
-----	25 я.	Миръ не состоялся. -	175
-----	26 я.	Новый родъ удовлетво- ренія. - - - -	180
-----	27 я.	Вызовъ къ бисшвѣ. - -	191
-----	28 я.	Родина. - - - -	194
-----	29 я.	Обзаведеніе. - - - -	200
-----	30 я.	Заключеніе. - - - -	206

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ.

ГЛАВА IЯ.

Вотъ новости!

Великій Муѣшій Шамагуль здержалъ свое слово, и посѣшилъ меня на другой день послѣ четвертой молишвы. — Повторивъ всегдашнія привѣтствія и обнадеживъ снова въ непоколебимости дружбы своей, онъ продолжалъ повѣствованіе слѣдующимъ образомъ :

Я сказалъ уже, любезный Князь, что спокойствіе мое и всего Двора Аспраханскаго прервано было неожиданнымъ приключеніемъ. — Ровно за шесть дней предъ симъ, когда мы собрались въ храмину Совѣща, дабы доставить Хану пособіе, оказавъ сполько прославляемое имъ правосудіе, не мало подивились, не нашедъ его на своемъ диванѣ и не обоняя шабачнаго ды-

ма. Всѣ знали, что по совѣшу придворныхъ врачей, вѣрные рабы каждый день съ восходомъ солнца собирались въ предспальнѣ Ханской, разбужали его шумомъ и шукомъ, поднимали съ ложа, проваживали ровно десяшь разъ по комнашѣ, какъ давно заспоявшагося слона, опшводили въ Совѣшъ и усаживали на мягкомъ диванѣ, а пошому-то мудрые Совѣшники всегда уже находили его гошовымъ къ исполненію возложенной на себя обузы: слушаешь перпѣливо всякой вздоръ, какой кому взбрешъ въ голову; ш е п е р ь, какъ говорю, вышло прошивное. Придворные карлы шихо и скромно, гайдуки прислонясь къ укромнымъ угламъ, шояли повѣся головы; словомъ, примѣшная горешъ и уныніе разливались на лицѣ каждаго, и мы не осмѣливались ни у кого спросишь о причинѣ сей новосши. — Увы! сказаль я шихо къ близъ споявшему Сардару Ишмурапу: Я предчувшвую нѣкое несчастіе, всѣмъ намъ

грозящее опасностію! Ты припомнишь, почтенный другъ, что вчера велелѣнный нашъ властелинъ, будучи въ роковомъ Лондонѣ, дѣлалъ сильныя и частыя поспы. Онъ нѣсколько сырѣ, и легко спанешся, что пуншевыя пары поколебали пвердыню его крѣпоспи, сколько первая ни прочна, а послѣдняя ни обширна. Впрочемъ молю милосердаго Аллу, чтобы моя полишика на сей разъ меня обманула!

Когда мы, такимъ образомъ разглагольшвуя довольно долгое время, дѣлали разныя догадки о семъ необыкновенномъ поступкѣ Самсудина и непришворно боялись его лишиться, двери нашей храмины опшверзлись, и два гайдука, поддерживая Хана подѣ руки, ввели медленно и усадили на диванѣ. Всегда блѣдножелшое лице его, сдѣлалось шеперь зеленожелшымъ; лобъ его и щеки были въ складкахъ, въ какихъ изображаютъ спину и ребра носорога; чрево его, доселѣ пол-

ное и круглое, шеперь упало на колѣни; словомъ, онъ походилъ на буйволиный шулукъ, до половины выцѣженный. Нѣчего и сказывать, что такое состояніе Хана повергло насъ въ робость и печаль сердечную, а нѣкопорохъ бросило и въ лихорадку, ибо мы всѣ единодушно чувствовали, что въ случаѣ попері Самсуddина не скоро удастся нажить ему подобнаго. Сполько-то всѣ извѣсны были о его крошости и смиреніи, не сморя, что съ языка его не сходили слова о любви къ правосудію.

Помолчавъ довольно долго, Ханъ поднялъ голову съ такимъ усиліемъ, какъ будто она была чугунная, окинулъ насъ мушными, помершвѣлыми глазами, вздохнулъ пакъ, что у насъ завяли уши, и попомъ дрожащимъ голосомъ произнесъ:

Всемогуцій Алла да сохранишь меня и васъ, друзья вѣрные! Великій пророкъ судилъ днямъ моимъ бышь днями горести, и покрывъ

ихъ черною завѣсою съшованія! Познайше бѣдспвіе, падшее на главу владыки вашего; — но нѣшъ! я не въ силахъ возвѣспишь свой спыдъ и поруганіе. Вошъ — продолжалъ онъ, подавая Визирю локушъ исписанной бумаги, — вошъ, мудрый Бапырша, доказашельсшво самое вѣрное моего невѣрояшнаго несчастія! Прочши во услышаніе всѣхъ, и общими силами разсудите, чпо долженъ дѣлать я, какъ поступишь согласно съ достоинсшвомъ Хана и съ побужденіемъ сердца его къ правосудію?

Визирь, принявъ рукописаніе, къ неописанному удивленію нашему прочиталъ слѣдующее:

Юмангула, дочь Курмангалея, Хана Казанскаго, мужу своему, безумному Самсупдину Хану Аспраханскому, желаетъ задохнушься ошъ собсшвенной шяжести, или ушопишься въ бочкѣ Лондонскаго напишка, — какъ разсудишь Алла!

Будучи дочерью власпелина, долго я дѣлала честь тебѣ, живу-

чи въ Аспрахани, вокругъ которой взбрело шебѣ на умъ расположивъ большую часть цѣлой Европы. Будучи машерью двухъ сыновей, долго терпѣла я соперничество Гальбуспаны, сеспры Башира, Хана Калмыцкаго.

Но и сего показалось шебѣ не довольно! Къ великому числу невольницъ, ты приобщилъ еще какую-то язычницу, и какъ по спаранію швоему объ ея обращеніи въ правовѣріе видно, вознамѣрился сдѣлать ее шрешьею своею супругою! Успыдись, безспыдный! въ возможности ли ты надлежащимъ образомъ содержишь и одну изъ всѣхъ?

Я рѣшилась! Ты, ослѣпленный вздорными совѣсами Визиря Башырша, Сардара Ишмураша и Муфшія Шамагула, проводилъ все время по въ Москвѣ, по въ Лондонѣ, а пошому и не замѣшилъ, что происходитъ въ Аспрахани. Все мое приданое, отъ опца привезенное, и все, что могла я нажить въ десятильшнее у шебя пребываніе,

время опъ времени перевезено на границу Казанскую.

Какъ скоро взойдетъ луна на небо, я съ обоими сыновьями моими и со всѣми сонушниками садимся на коней и опсправляемся въ споллицу опща моего. Онъ не замедлишь пошребовать у тебя опчеша въ швоемъ поведеніи.

Возобновляя шебъ желанія мои, объясненныя въ началъ письма сего, увѣдомляю, что когда ты прочтешь его, буду я за границею!

Башырша умолкъ. — Удивленіе, горесшь, гнѣвъ и печаль поколебали сердца слушателей. Кто могъ ожидать подобной дерзости? Какъшо расположишся Ханъ въ семь щекошливомъ дѣль? Божешвенная подипика! была ли ты когда-либо нужнѣе, какъ шеперь, правосудному Самсушдину?

Г Л А В А 2я.

З а т р у д н е н і е.

Весь Совѣтъ замѣшилъ, что такія ругательныя выраженія вновь возжгли шусклое пламя гнѣва въ Ханскомъ сердцѣ. Грудь его подобилась Неаполишанскому его вулкану. Глаза издавали слабыя искры, онъ весь попрысся, и голосомъ, какого мы никогда отъ него не слышали, взревѣлъ: Что присудишь мнѣ начашъ шеперь? Говорите опкровенно, и не счишайте болѣе Юмангулы моею супругою! Ахъ! мнѣ жаль полько сыновей моихъ! Они въ опрочесствѣ своемъ во всемъ на меня походили, и въ-рочно не опспалибы отъ образа своего и въ мужескихъ лѣпахъ. Какая въ каждомъ осанка? какая дебелость? Какого же Хана лишаешься Аспраханъ въ моемъ наследникъ? — Говорите мысли ваши: Муфшій, Визирь, Сардаръ! говори-

ше, что должны мы начать въ семь бѣдственномъ состояніи ?

Яко Верховный Визирь, — сказалъ надувшись Бапырша, — я долженъ объявить, что въ такихъ случаяхъ повелѣваюшъ законы страны нашей, кои, послѣ заповѣдей пророка, должны бытъ священнѣ всего для вѣрнопопданнаго. И такъ повели всѣхъ швоихъ невольницъ, оставшихся въ Аспраханскомъ гаремѣ, раздѣлишь по избраннымъ друзьямъ швоимъ, снабдя каждую изъ нихъ, вмѣсто приданаго, десятиью мѣшками юзлуковъ. Это покажеть, что ты мало печалишься о спропшивой своей супругѣ и увезенныхъ дѣтяхъ ея. Благодаря пророка, ты опъ Гальбуспаны имѣешь прекраснаго младенца, который со временемъ, подобно тебѣ, приметъ жезлъ правительсва надъ нами. Искорени изъ мыслей швоихъ и сердца пресупную Юмангулу, предсавъ, какъ будпо ты никогда не зналъ ея, и воспріавъ прежнюю бодрость, владыче-

спвуй надъ нами въ миръ и благо-
денствіи!

Какъ? вскричалъ Ишмурашъ
пискливымъ голосомъ. Развѣ Свѣп-
лѣйшій Ханъ естъ одинъ изъ под-
данныхъ? Не уже ли и для него
довольно пренебречь только пре-
сшупную супругу? Или искорбле-
ніе, причиненное его велелѣпію,
не естъ оскорбленіе для всего под-
властнаго ему народа, оскорбленіе,
доспойное кроваваго опмщенія? Но
дабы сосѣдніе народы удостовѣри-
лись, что мы не иначе поднимаемъ
оружіе, какъ бывъ принуждены къ
тому нахальствомъ другихъ, то
для виду пошлемъ къ Курмангалею
посланца съ шребованіемъ, чтобы
онъ немедленно пресшупную дочь
свою Юмангулу, обременивъ желѣз-
ными цѣпями, предалъ въ руки
швои для приведенія въ послуша-
ніе мѣрами, какія правосудіе швое
признаетъ удобнѣйшими. М е ж ъ
шѣмъ мы соберемъ воинство вели-
кое, и я, предводительшвуй
онимъ, общаю шебъ побѣду. Ты

возмешь въ плѣнъ Юмангулу со
всѣмъ родомъ ея и племенемъ, по-
лучишь драгоцѣнный выкупъ, ос-
ставишь при себѣ обоихъ сыновей,
а ее съ опцемъ отправишь на ро-
дину съ уничиженіемъ. Пусть же
погда насоящіе землеобитатели
и грядущіе попомки скажутъ: Кто
могъ посупишь умнѣ сильнаго
и правосуднаго Хана Самсудина?

Вы судили оба, — сказалъ я
въ свою очередь, — какъ прилич-
но великимъ полликамъ, радѣю-
щимъ о пользѣ и повелителю и
подданныхъ. Надобно только —
клянусь вдохновеніемъ великаго
пророка, благоволившаго въ сію
минушу осіяшь меня мудросію
свыше, — надобно только ваши
мнѣнія соединишь воедино. — И
пакъ, да раздѣлишь Свѣплѣйшій
повелитель Аспраханской гаремъ
свой — буде угодно — по предан-
нѣйшимъ друзьямъ своимъ, а по-
помъ да изгошовишься ко брани.
Чшо же касается до посла, кошо-
раго по совѣшу Сардара Ишмура-

та должно послать къ старика Курмангалею, по у меня есть на примѣтъ человекъ, совершенно къ тому пригодный, именно пошь храбрый Горець, содержащійся теперь въ городской тюрьмѣ, коптой не задолго рашоваль съ Гасаномъ и взялъ въ плѣнь его ухо. Не говоря о личной его храбрости, онъ сверхъ того великій полищикъ, и я даю честное слово, что онъ возвратится къ тебѣ съ объявленіемъ войны опъ спрощиваго Курмангалея!

Слова мои признаны самыми разумными, и тогда же Ханъ далъ Сардару повелѣніе представить тебѣ на судъ, и если ты не сполько виновенъ, какъ донесено, то, освобождая опъ оковъ, дашь новую должность. Я сдѣлалъ свое дѣло, и самое полищическое! Визирь и Сардаръ со мною согласны, и своими спранными рѣшеніями о швоей участи приближили тебѣ къ освобожденію. Съ завшрашняго дня ты начнешь дѣйствовать

въ новомъ званіи, и съ приличною свисою опсправишься къ Хану Курмангалю.

Выслушавъ сіи рѣчи дорогаго Муфтія, я вскричалъ болѣзненно: Умилосердись, праведный Макукъ: могъ ли я ожидать, что вѣрнѣйшіе друзья мои пригошовашь мнѣ смерть, самую мучительную? Ахъ, Шамагуль! куда дѣвалась швоя полипика? Или забылъ шы, какъ опшочивалъ шебя Князь Марзабекъ, когда шы собирался разъ десяшь спегонуть его нагайкою при посвященіи въ кавалеры сего ордена? Суди же, какъ поступишь можешъ со мною Ханъ Казанскій, когда я сдѣлаю ему споль наглое предложеніе, о коемъ и самый изобрѣшатель онаго Ишмурапъ былъ увѣренъ, что оно не можешъ бышь принято? Самая меньшая изъ бѣдъ, какихъ я ожидать долженъ, будешъ — что возвращашъ въ Аспраханъ съ обрѣзаннымъ носомъ и ушами!

Оспановись, Князь, возразилъ Шамагуль, не обнаруживай, что

ты не очень далекъ еще въ поли-
пикъ. Развѣ не видишь, что един-
ственной цѣлю моею было швое
освобожденіе? Кто, кромѣ безум-
наго, велишь тебѣ являться къ
Хану Казанскому на явное увѣще?
Вельможи хопяшь войны, — пусть
будешь по ихъ! Я назначилъ уже
тебѣ соупниковъ изъ преданнѣй-
шихъ мнѣ шварей. Они не шоль-
ко не посмѣють говорить, но и
мыслишь что-либо прошивное дан-
ному знаку. Пробывъ на границѣ
шолько времени, сколько по рас-
численію пошребуется, ты воз-
вратишь съ объявленіемъ брани.
Тебѣ ввѣряшь часшъ войска; ты
нашворишь чудеса храброспи; воз-
высишья; будешь имѣшь полное
право шребовать воздаянія за свою
службу. Сафира будешь шолько же
безопасна въ своей Москвѣ, какъ
праматерь Евва въ Едемѣ. Все при-
думанно, расчислено, положено на
мѣрь.

Г Л А В А 3я.

П о с о л ь.

Успокоенный Шамагуломъ на счетъ будущей судьбы моей, я надосугъ началъ придумывать всѣ способы, какъ бы вѣрнѣе опличиться въ подлежащей брани. Услужливое воображеніе мое запылало. Уже добльшвенный Князь Кайшукъ, опличившій себя безчисленными рашными подвигами, въ воздаяніе заслугъ получаетъ высокое званіе Сардара; уже онъ повелѣваетъ тысячами Аспраханцевъ; уже бѣгушь ошъ него и падаюшь во прахъ толпы Казанцевъ и просятъ пощады. Свѣшлѣйшій Князь Кайшукъ въ семъ случаѣ весьма разборчивъ. Онъ знаетъ, кого казнишь и кого подарить жизнию. Къ довершенію славы, Курмангалей со всѣмъ родшвомъ и вельможами подвергается плѣну, и всѣ преклоняюшь колѣна предъ могущешвеннымъ побѣдшелемъ. Князь Кай-

шукъ великодушень. Онъ принимаетъ Хана и съ дочерью его милосливо; сажаетъ съ собою рядомъ въ великолѣпную колесницу, и при радостныхъ вопляхъ безчисленнаго народа, съ неописаннымъ поржесствомъ всупааетъ въ сѣны Аспраханскія. — Слушая совѣты вельможъ, истинно мнѣ преданныхъ, и внемя желанію благодарнаго народа, я покушаюсь уже велелѣпнаго Самсупидина сполкнушь съ блестящаго дивана и безъ зазрѣнія совѣспи присвоишь себѣ прекрасныя его обласпи Москву и Турцію, — ибо Неаполь и Лондонъ не очень мнѣ нравились, и я охотно обѣщалься никогда въ нихъ не заглядывашь, — какъ внезапный спукъ у дверей вдругъ оспановилъ быспрые успѣхи моихъ подвиговъ, съ превыспренняго неба низвелъ меня на землю, и я опять — увидѣлъ себя въ подвалѣ. Ко мнѣ вошелъ чиновный Тапаринъ съ шрема прислужниками. — Поздравляю шебя, Кайшукъ, — сказалъ онъ ласково, — съ Ханскою,

милостию. Ты совершенно свободенъ, и симъ одолженъ заслупленію нашего кропкаго Муѣшія; да даруешь ему благій Алла многія льпа! Сверхъ того назначенъ ты Посланникомъ къ высокоповелительному Хану Казанскому. Спупай со мною въ чертоги Сардара Ишмурапа. Тамъ назначенъ по сему предмету пайный Совѣтъ, и тамъ найдешь ты заслупника своего, благочеспиваго Шамагула и просвѣщеннаго Визиря Башыршу; тамъ получишь насшавленія, приличныя новому швоему званію. Слѣдуй за мною!

Какъ охотно пввиновался я сему приказанію! Идучи по Аспраханскимъ улицамъ, я не встрѣчалъ уже наглыхъ оскорбленій отъ черни, и весьма покойно со спупниками своими достигнулъ дома Сардарова. Введенъ будучи въ приемную комнапу, нашель сего вельможу небрежно сидящаго на диванѣ. По правую руку его возсѣдалъ глубокомысленный Муѣшій, а по лѣ-

вую гнѣздили шаровидный Визирь Башырша. Какъ скоро я появился, то по данному отъ Сардара знаку, всѣ лишніе удалились, и мы остались вчетверомъ.

Приблизься къ намъ, Кайшукъ, провозгласилъ Сардаръ, и выслушай внимательнѣе слова мои. Ты долженъ много благодарить пророка, что онъ удостоилъ тебя необыкновенной честью быть Посланникомъ отъ лица Самсупдина. Главный предметъ посольства да будешь, чтобы разсердилъ Хана Курмангалея, и чтобы замышляемая нами война непременно состоялась. Возможно ли снести, что во все правленіе Самсупдина мнѣ не удалось прославиться ни на одной битвѣ; ни одинъ Муфшій не оппѣвалъ побѣднаго молвбствія, и мудрый Визирь Башырша не заключилъ ни одного дружественнаго пакташа! — Что подумаешь о семъ опдаленномъ попомствѣ? Не всякой ли назовешь насъ безмозглыми барана-

ми, которые любящъ только драшья между собою, а бояшья направивъ рога и прошивъ дворовой собаки? Нѣтъ! одна только война можешъ прославивъ мудрое правленіе! И такъ — во имя всеблагаго Аллы, слушай, Кайшукъ, къ Курмангалею! Благочестивый Муфшій приискалъ тебѣ добрыхъ совѣтниковъ. Вошь тебѣ спо юзлуковъ на дорогу! Если же ты окончишь все миромъ и возвратишья съ Юмангулою, то подошвамъ твоимъ крѣпко накрѣпко доспанешся!

Выслушавъ такое наставленіе, я оставилъ собраніе, и прямо отправился въ домъ благочестиваго Муфшія Шамагула, который такъ же не замедлилъ своимъ появленіемъ. — Съ сердечною благодарностію обнялъ я вѣрнаго друга, которому единственно одолженъ былъ жизнию. Радость моя умножилась прибытіемъ моего Сардара Бекшемира, который также назначенъ былъ въ Посольскую свиту.

Большую половину дня провели мы въ брашской бесѣдѣ. Шамагуль далъ мнѣ кляшвенное общаніе занявъ Хана военными предпріятіями, опклонишь его мысли ошъ Княжны Сафиры. Какъ скоро показался мѣсяць на Аспраханскомъ небѣ, я со свисою своею возсѣли на борзыхъ коней, и опсправились на границу, гдѣ намѣревались провести при дня, и попомъ явишь ся во свояси съ объявленіемъ войны, шолько для многихъ вождельной. —

Г Л А В А 4я.

Намѣреніе къ войнѣ.

Проезжая проспранныя области, поддласныя волѣ Самсуддиновой, мы вспрѣчали посланцовъ Ханскихъ для возбужденія народа ко брани. Всѣ съ неописаннымъ ужасомъ слушали шакую новосшь, и повсюду раздавались споны и воп-

ли, и кое-гдѣ проклятія прошивъ всѣхъ вельможъ. Такое начало и въ моихъ глазахъ не предвѣщало добраго успѣха; но я скоро утѣшился, видя, что подданные, хотя и прошивъ воли, собираются подъ знамена своего повелителя.

Досстигнувъ границы, мы — съ общаго согласія — опыскали уютное мѣстечко, и расположились шамъ на три дня спаномъ. Какъ у насъ во всемъ было изобиліе, то весьма прохладно проводили свое время, грѣлись у разведеннаго огня и жарили шешлыкъ. Если бы не любовь къ Сафиръ занимала мысли мои, и не спрасъ къ опличію въ наступающей брани, то жизнь моя была бы самая счастливая.

По прошествіи трехъ дней посольство наше вступило опять въ свои предѣлы, каждый изъ насъ принялъ на себя плачевный образъ, а я походилъ на самаго опчаяннаго. — Война кровопролитная, — вопіялъ я, встрѣчаясь съ жителя-

ми, — война непримиримая объявлена Самсуддину жестокосердымъ шешемъ его! Подвизайшесь, храбрые Татаре! за честь вашего Хана, за безопасность жилищъ своихъ и имущества, за благосостояніе вѣры, мечешей, всѣхъ Мулло и Имановъ! Неисповый Курмангадей угрожаетъ всему Ханству погибелью!

Такъ завывая повсюду, гдѣ только встрѣчали людей, прибыли мы въ столицу. Какъ скоро слухъ о нашемъ возвращеніи достигъ ушей Самсуддиновыхъ, немедленно повелѣлъ собратъ своему Совѣшу, куда предшавишь и меня съ братіею. Въ сей храминѣ все было точно въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде, когда вводили меня на судъ и осужденіе. — Я опдалъ его веледѣнію земный поклонъ; онъ съ видомъ крайняго удивленія успавилъ на мнѣ мушныя глаза свои, и послѣ прошипѣлъ: Что я вижу? у моего Посла и у всей свиты дѣлы носы и уши? Что это значишь?

Или Курмангалеѣ исполнилъ праведное мое требованіе, и прешупную Юмангулу возвратилъ ко мнѣ опягченную желѣзными оковами? Повѣдай мнѣ шеперь все обстоятельно, какъ приняшы вы Казанскимъ Ханомъ?

Великій повелитель! сказалъ я съ подобоспращіемъ: не изволь удивляшьяся, что видишь насъ въ цѣлоспи. Эшо опнюдь не значить, чшобы Курмангалеѣ склонился на наше предшавленіе; напропивъ, — эшо есть особенный знакъ его высокомѣрія. — Когда мы введены были предъ лице Хана Казанскаго, и я въ самыхъ полищичныхъ выраженіяхъ повѣдалъ высокую волю свою имѣшь въ цѣпяхъ Юмангулу, онъ сдѣлался внѣ себя, и шакъ разсвирѣпѣлъ, какъ уязвленный буйволь. Ахъ, нечестпивецъ! вскричалъ Ханъ: поспой, я доберусь до тебя! А въ задапокъ, чшобъ онъ видѣлъ, какъ опасно шупишь со мною, опрѣжьше у Посланниковъ его носы

и уши, и плешми прогоните до границы. —

Всѣ въ Совѣшѣ Курмангалея пришли опъ сего въ волненіе, и Верховный Визирь произнесъ: Повелишель! приказаніе швое конечно возвеличило бы и швое величіе, еслибъ мы сочли себя слабѣе Аспраханцевъ. Но какъ, по благоспимилосердаго Аллы, несомнѣнно надѣмся шоржешествоващъ надъ прешшупнымъ Самсупдиномъ, шо не почпеннѣе ли будешъ для славнаго швоего имени, опославъ сихъ несчастшливцевъ въ шомъ видѣ, въ какомъ они явились, въ награжденіе за шо послупишь такимъ образомомъ съ безумнымъ Ханомъ Аспраханскимъ, шо ешъ: обришь ему усы, бороду и обрѣзашъ носъ и оба уха!

Рѣчь сія, — продолжалъ я — вразумила Курмангалея; онъ приказалъ шолько плешми выпроводишь насъ изъ шана, и опшупшилъ къ шебъ съ объявленіемъ кровопролишной брани. — Скажи-

ше Самсупдину — присокупилъ онъ, — что я скоро поѣду его логовище; срю Неаполишанскій Везувій, сожгу Лондонскій флотъ, выцѣжу весь пуншъ до капли, и поспущу съ нимъ самимъ по Визирскому Совѣшу!

— Не удася, богохульникъ! взревѣлъ Самсупдинъ: прежде надобно тебѣ сразить непобѣдимое мое воинство, а шамъ уже расплагашъ моимъ достояніемъ. Война дерзкому Курмангалею!

— Война кровопролитная! воззвалъ Сардаръ Ишмурашъ, ударя рукою по ефесу своей сабли; война непримиримая! возопилъ Визиръ Башырша, пошашывая проворно на головъ колпакъ свой; за сими вельможами весь Совѣшъ возгласилъ поже. — На другой день назначено бытъ смолу воинства на полъ Аспраханскомъ.

Г Л А В А 5 я.

У х и щ р е н і е.

При выходѣ изъ сей храмины, Сардаръ останоуилъ меня, и пошрепавъ по плечу, сказалъ: въ воздаяніе, что шакъ удачно опсправилъ шы посольство, я предводишельству швоему ввѣрю цѣлый опрядъ храбрыхъ наѣздниковъ. Ты будешъ сражашся подлѣ меня, и всякое опличіе не останешся незамѣченнымъ.

Осшавя дворець, я бросился въ домъ Муфшія Шамагула.—Поздравляю тебя, любезный Князь, сказалъ онъ: вопервыхъ съ шѣмъ, что шакъ полишично сохранилъ носъ свой и уши; а вовшорыхъ, что прекрасная Княжна Сафира внѣ всякой опасности.

Какъ? вскричалъ я съ воспоргомъ, гдѣ же она шеперь? Могу ли видѣшь ее? могу ли обняшь прелешнюю, и увѣришь въ вѣчной любви моей? — Нѣшь! опшвѣчалъ Ша-

магуль ; ты ее скоро не увидишь , но ты не менѣ можешь надѣяться обладать ею. Выслушай меня , и подивись , что можешь сдѣлать гений полищичнаго человѣка !

— Въ первый день отправления своего къ предѣламъ Казанскимъ , когда я всступилъ въ домъ свой , то былъ пораженъ крикомъ , воплемъ и звукомъ отдѣляемыхъ пощечинъ. Вошедъ на женскую половину , я увидѣлъ , что двѣ невольницы мои безъ милосердія дрались между собою. — Я себя спарѣ , кричала одна , такъ имѣю всякое право на свое почтеніе : — Я себя моложе , воила другая , такъ имѣю болѣе права на любовь Муфшія , а пошому и на свое почтеніе !

Унявъ сихъ храбрыхъ ратницъ силою моихъ полищичныхъ увѣщаній , подкрѣпленныхъ полновѣсными подзатыльщинами , я придумался. Божественная полищика , подобно молніи , освѣтила очи ума моего. Я не могъ понять , какъ такая дорогая мысль давно не приш-

да мнѣ въ голову. Обдумавъ надосугъ предметъ свой, и пользуясь правомъ Первосвященника, на утро другаго дня отправился я въ Ханскую Аспрахань, и легко испросилъ дозволеніе видѣться съ Гальбусаною, второю супругою Самсудина.

— Прекрасная повелительница повелишеля православныхъ! сказала я съ довѣренностію преданнѣйшаго челоуѣка: да даруешь тебѣ Всевышній столько радостныхъ лѣтъ жизни, сколько у тебя волосъ на всемъ шлѣ! Прими знаки моего непремѣннаго усердія къ тебѣ довольно въ щекопливомъ случаѣ. Можешь бышь ты уже знаешь, а можешь бышь и нѣтъ, что съ недавнаго времени въ Московскій Гаремъ введена молодая, прелестная язычница. Ханъ, воспитанный въ вѣрѣ благочестивой, не иначе хочешь удостоишь ее своихъ объятій, какъ сдѣлавъ предварительно Мусульманкою; она же — при всемъ сиротствѣ своемъ, — шакъ горда, что не иначе

хочешъ опречься своихъ боговъ какъ въ званіи супруги Ханской. Ослѣпленный ея прелестями, Самсудинъ и на сіе соглашается. Онъ повелѣлъ мнѣ наставляль ея въ Божественномъ законѣ, и вскорѣ — если что особенное не воспрепятствуетъ, Гульбека раздѣлишь пронъ съ власпелиномъ !

Гальбушана ошь словъ моихъ пришла въ несказанную яроспъ. Она была сестра Калмыцкаго Хана Мусалима, и считалась ошличною красавицею во всей ордѣ своей, въ числѣ прехъ шысячь кибишокъ кочующей на изобильныхъ пажитяхъ близъ моря Каспійскаго, а пошому, не лзя не бышь ей высокомърною, власполюбивою, неукрошимою. Черныя, узенькіе глазки ея совсѣмъ смежились; большія ноздри въ кругломъ вздернушомъ носу ея еще болѣе раздулись; широкій ропъ — въ пасть превратился. Въ добавокъ она схватила себя руками за оба уха, и голосомъ, ошь кошораго я самъ содрогнулся, возопила: Какъ ?

развѣ для того не щадила я ни трудовъ, ни иждивенія, чшобы подуспишь Юмангулу оставишь Аспрахань, и дашь мнѣ одной волю управляшь и Ханомъ и его Ханспвомъ? Безспыдный изувѣрь! могли я, Гальбуспана, равная ему порокою, а чшо всего болѣе, подарившая его сыномъ, могли я ожидать, чшо буду свerspана съ безродною, и можешь безобразною дѣвкою, похожею на Московипянокъ, какими большею частію его гаремы наполнены! Нѣтъ, измѣнникъ! скорѣе принужу себя забыть свой Неаполь, Москву, Лондонъ и Спамбуль, чѣмъ доживу до сего посрамленія рода моего и званія. Ахъ, какъ я несчастна, чшо доспалась шакому нечеспивцу! Не даромъ благочеспивый Мулла, духовникъ мой, ушѣшавшій меня во дни горести о смерти моего родишеля, увѣщеваль не шоропишься выходомъ за Самсупдина, а подождать, пока Кишайскій повелишель, до котораго несомнѣнно въ свое время дойдеть.

слухъ объ единственнѣйшей красотоѣ моей, не пришлешь посольство на мнѣ свашаться.

Проговоря сию прогашельную рѣчь, Гальбустана во весь голосъ зарыдала. Я не зналъ, что и дѣлать. Ну, если на эту пору нагрѣнешь къ намъ Самсудинъ, тогда полишика погубишь меня невозвратно! — Прекрасная повелительница! сказала я: умѣрь горесть свою и вопли. Тебѣ не безъизвѣстно, что сколько первая сокрушаешь душу, столько другіе вредяшь прелестямъ плеснымъ! И такъ не благоразумнѣе ли будешь, въ мирѣ и тишинѣ подумаешь о мѣрахъ, какія должно принять къ обезопасенію владычества красоты твоей!

— Что шушь много думаешь, возразила Гальбустана. Я отъ природы рѣшительна, и рѣдко когда о чемъ думала. Сей часъ отправляю нарочнаго къ брату моему Мусалиму, чтобы онъ подспунилъ къ Аспрахани съ нѣсколькими тысячами храбрыхъ Калмыковъ, и при-

нудилъ безбожнаго мужа моего кинушь свои намѣренія, сполько для меня оскорбительныя!

— О красота своего пола! о несравненная Гальбусшана! мысли твои неподобны и доспойны величайшихъ женъ въ свѣтъ! однакожь согласишь, что если можно безъ шуму, драки и кровопролитія достигнушь предпринимаемаго намѣренія, то не умѣе ли, не согласишь ли съ предмудрою полишикою и не зашъвашь содому? — Не главная ли цѣль твоя, чтобы опъ чершгоговъ Ханскихъ опдалишь опасную для себя Гульбеку, и такимъ образомъ успокоишь твое нѣжное сердце, и обезопасишь права дражайшаго сына твоего возсѣсть на родипельскомъ диванѣ?

— Хорошо, опвѣчала съ живоспію Гальбусшана; такъ я сей же часъ вѣрнымъ миѣ невольницамъ прикажу поднесши сей Гульбекъ добрый пріемъ мышьяку, а если она заупрямится принять оный, то безъ

всякаго оплагашельства удавишь ее и кинушь въ море.

— Не могу надивисься рѣшишельности швоей, могущешвенная Гальбуспана, опвѣчалъ я съ умиленіемъ, и присушшвію швоего высокога духа! Но — долгъ благочешиваго сана, мною въ правовѣрїи носимаго, воспрещаетъ мнѣ согласишься на шакіе поступки, за кошорые великій пророкъ шрого испяжешъ насъ и въ сей и въ будущей жизни! и за что намъ губишь невинную Гульбеку, когда можемъ обойшись безъ шого весьма удобно? за чѣмъ безъ нужды призывашъ намъ на главы свои прокляшіе невинныхъ людей и гнѣвъ правосуднаго неба? эшо была бы весьма нерасчешисная полишика!

— Я не понимаю себя, почшеный Муѣшій, возраѣила Гальбуспана. Чшо же мы будемъ дѣлать съ сею опасною соперницею?

— Выслушай шерпѣливо, премудрая повелишельница, опвѣчалъ я важнѣе Муѣшія Шамбульскаго: сло-

ва мои — суть внушеніе правосуднаго пророка. — Преподавая по повелѣнію велельпнаго Хана наспавленія Гульбекъ въ правилахъ благочестія, я извѣспился, что она еспь дочь нѣкоего Князя, владѣющаго на горахъ Кавказскихъ. Имѣя сильное опвращеніе къ жениху, назначенному ей опъ несговорчиваго родишеля, рѣшилась она оспавишь свои горы и предашься волѣ судьбы, въ надеждѣ найти другаго жениха, человѣка храбраго и великаго полишника, но гоненіемъ рока изгнаннаго изъ опечеспва. Непрїязненный случай прошиву воли заключилъ ее въ Сералъ Ханскомъ. И шакъ, несравненная Гальбуспана, не будешъли доброе, великодушное дѣло, когда ты поспунишь слѣдующимъ образомъ: призови изъ вѣрныхъ слугъ швоихъ Калмыковъ двухъ человѣкъ, и повели имъ — съ помощію одного, кошораго я назначу, проводишь Гульбеку до Моздока. По моему совѣшу переодѣнешся она въ плашье Горца, выкрадешся изъ сво-

ей Москвы, и благополучно достигнешь до мѣста назначенія, гдѣ и вручишь предписаніе мое тамошнему Муллѣ: беречь ее съ моимъ проводникомъ — ибо Калмыки швои отъ того мѣста ворошяшся назадъ, — какъ зѣницу своего ока, пока я не явлюсь къ нимъ — для осмопра мечешей, коихъ Муллы и Иманы подчинены моему управленію.

— Нѣчего тебѣ, дражайшій Князь, рассказывать подробностей сего происшествія. Гальбустана легко склонилась на мои предсавленія, приняла нужныя мѣры, и — Княжна Сафира въ первую послѣ того ночь ушла изъ Москвы своей въ сопровожденіи двухъ Калмыковъ и храбраго Сардара Бекшемира, ибо согласись, что я дражайшую свою Княжну не могъ поручить въ надежнѣйшія руки. Предписаніе мое Моздокскому Муллѣ будетъ исполнено имъ свяшѣе всякой спашьи изъ Алкорана. Легко догадаешься также, что вьюки Бекшемировы

штуго набишы юзлуками, а Княжныны — по милоспи Гальбусшаны, золошымы украшеніями. Надобно думашь, что всѣ они, имѣя добрыхъ коней, давно уже на мѣспѣ.

Я не находилъ словъ, чтобы достойно возблагодарить вѣрнаго друга. Съ пролишіемъ радоспныхъ слезъ обнялъ его и прижималъ къ своему сердцу. — Что же мы будемъ дѣлать теперь? спросилъ я съ шяжкимъ вздохомъ. — Что покажешъ намъ окончаніе войны, опвѣчалъ Муѣшій. Я самъ не предвижу шущъ ничего добраго; но пого хошѣлось Визирю и Сардару, и я не нашель полишки, чтобы не согласишься съ ними. Ты знаешь, любезный Князь, старинную Горскую пословицу: рука руку моешь, и опъ шого обѣ бываюшъ бѣлы.

Г Л А В А 6 я.

Примѣрное воинство.

Я не разспался бы съ Шамагуломъ, чѣтобъ узнать мысли его о дальнѣйшей моей участи, какъ ужасный ревъ провозгласника вызвалъ его въ мечеть къ исправленію своей должности. Онъ приславилъ ко мнѣ невольника, и назначилъ комнату въ нижнемъ жилѣ своего дома, гдѣ я могъ успокоиться.

Бывъ обезпеченъ въ участи Княжны Сафиры, я покойно расшянулся на мягкомъ диванѣ, и предался ласкнмымъ мыслямъ о собственной судьбѣ своей. — Благодареніе Великому Макуку! кажешся, Черный Годъ мой къ концу приходишь. Ровно черезъ мѣсяць будешь день моего рожденія, — и надѣюсь, что всѣ нападки злаго Кукама тогда прекращающся. Не можешь бышь, чѣтобы наше воинство, о храброси коего гремишь слава и на горахъ Кавказскихъ,

а особливо предводимое такимъ Воеводою, каковъ Сардаръ Ишмурашъ, кошорый однимъ взоромъ способенъ устрашить цѣлое ополченіе, не одержало полной, блистательной побѣды надъ Казанцами, кошорые хотя также — сказывающъ — не робки, но у нихъ вѣрно нѣтъ равнаго нашему Сардара, а припомъ и я чего нибудь спою, и надѣюсь не унизишь себя, рашуя въ глазахъ Ишмураша опрядомъ храбрыхъ всадниковъ. По окончаніи пресловутой побѣды, когда Самсудинъ возсядешъ на Ханскомъ диванѣ, и призоветъ избранныхъ рашниковъ для врученія имъ награды по достоинству, я, представъ къ нему, скажу: было бы извѣстно тебѣ, велелѣпный Ханъ, что предстоящій лицу швоему былъ нѣкогда также Свѣплѣйшимъ Княземъ на горахъ Кавказскихъ. Злой рокъ прошивъ него ополчился, а неблагонамѣренный сосѣдъ выгналъ изъ владѣнія. Если ты хочешь наградить его за оказанныя те-

бъ услуги , шо повели : снабдя доспашочнымъ количесшвомъ юзлуковъ , ошдашь на время во власшь его шѣхъ самыхъ наѣздииковъ , съ коими недавно разоуваль онъ на поляхъ Казанскихъ споль доспославно . Онъ обещаешя походъ свой кончишь въ одинъ мѣсяць , и возврапишья къ шебъ обрашно съ дарами приличными !

— Не можешъ бышь , продолжалъ я мечпашъ , чшобы въ семь справедливомъ пребованіи было мнѣ опказано ; и шогда-шо держись воза , бездѣльникъ Кунакъ , съ уродливымъ сыномъ своимъ Кубашемъ ! А ешли и Князь Мирзабекъ хошя нѣсколько заупрямишья , шо мало пошмошрю , чшо онъ ошець дражайшей Княжны Сафиры . Самый даже Князь Казбекъ не пошевели прошивъ меня и усами : какъ разъ лишишья оныхъ !

Распорядясь въ мысляхъ шакъ разумно , я задремаль сладкою дремошою , и когда ошкрыль глаза , шо свѣшлые лучи взошедшаго солнца игриво освѣщали мою храмину . Какъ

скоро я облачился и принялся за трубку, посланный отъ Сардара принесть мнѣ неплохое вооруженіе, и приказаль: возложя оное на себя, отсправившись на Аспраханское поле, гдѣ съ раннею зарею долженствовало собраться воинство. — Конь для себя — примолвилъ онъ — гошовъ со всѣмъ богатырскимъ приборомъ, и стойшь у ворошь се-го дома.

Попрося возблагодарить Сардара за такое его вниманіе, я отпустилъ присланнаго, прицѣпилъ саблю къ поясу, вздѣлъ за плеча лукъ и колчанъ, и взявъ въ руку легкое копье, отсправился къ мѣсту назначенія.

Какъ скоро выѣхаль за заспаву то увидѣлъ многочисленное воинство, въ разныхъ кучахъ расположенное. Я ожидалъ услышать звукъ трубы, громъ бубновъ, и рѣзкій крикъ вишязей, но въ какое же приведень былъ изумленіе, какъ гореспно заныло сердце мое, когда увидѣлъ почти каждого изъ воишелей въ объ-

япіяхъ женщинъ и дѣшей. Рапники горько рыдали, дѣши и женщины выли; одни проклинали свою участь, другія Визиря, Сардара и Муфшія, а всѣ вообще безъ зазрѣнія совѣсти посылали великолѣпнаго Самсушдина на дно геенны.

Признаюсь, что такая каршина была для меня неожиданна. — Эпо-шо славное воинство Аспраханское? говорилъ я самъ себѣ: не думаю, чтобы мы могли много на него надѣяться! но что мудренаго? можетъ быть Казанское и того краше, или и наши вишязи по обычаю земли своей шеперь рылають, а какъ скоро высвободяшся изъ объашій машерей, женъ и дѣшей, какъ скоро покинушь ихъ изъ виду, то — подобно медвѣдямъ разсвирѣпьюшь. Да и почему знашь, не пролилъ ли бы ты самъ, Князь Кайшукъ, обильныхъ слезъ соболезнованія, когда бы должно было вырваться на кровавую брань изъ нѣжныхъ объашій рыдающей Саиры? О! не должно никого осуж-

дашь прежде времени, которое одно удословѣришь, хвалы ли мы достойны, или порицанія, за одинъ и шощъ же поступокъ.

Послѣ сего разсужденія, я спокойно внималъ рыданіямъ нашихъ рашниковъ, и — увидя шихо вѣдущаго на Персидскомъ конѣ Сардара Ишмураша, окруженнаго многочисленною свишою всадниковъ, рѣшился къ нему приблизиться.

Да благословить Всевышній оружіе Великаго Сардара среди поля рашнаго! являюсь къ тебѣ для принятія повелѣній! гдѣ же ша храбрая дружина, которую обѣщались вѣришь моему предводительству?

Такъ я привѣспивовалъ полководца. — Помедли, Кайшукъ, опѣчалъ онъ, и присоединись къ свишѣ моей. Всѣ окружающіе меня, суть люди именишые, и назначающя начальниками особенныхъ дружинъ. Скоро прибудешь сюда: веледѣпный Ханъ со всѣмъ Дворомъ.

своимъ, и намъ надобно сдѣлать предварительный сморъ.

Сказавъ сіи слова, онъ оспановился. Я хотѣлъ пребыть подлѣ него, но одинъ изъ пѣшихъ его невольниковъ взявъ за узду мою лошадь, повелъ позадь свишы, и сказавъ съ улыбкою: здѣсь мѣшпое — ошошелъ прочь. Я покраснѣлъ, и сей часъ догадался, что и въ Аспраханскомъ войскѣ наблюдается шаже полишика, какая и на горахъ, и что къ повелѣвающему войскомъ еспешвенно должны ближе находиться шѣ, кои опличнѣе по своей храброспи. Опъ меня будетъ зависѣть приблизиться къ Сардару и снасть съ нимъ рядомъ, думаль я — и успокоился.

Ишмурашъ обозрѣвъ все воиншво, въцаль: храбрые, непобѣдимые воины Аспраханскіе! надменный Курмангалеи, Ханъ Казанскій, найчувспвишельнѣйшимъ образомъ оскорбилъ власшелина нашеро, а съ шѣмъ вмѣспѣ и всѣхъ насъ. Онъ не шолько не опспушилъ назадъ до-

чери своей Юмангулы, бѣжавшей
 опъ своего супруга, но еще въ
 знакъ величайшаго къ намъ пре-
 зрѣнія, Посланниковъ нашихъ оп-
 правилъ назадъ, не обрѣзавъ у нихъ
 ни по одному уху. Не значить ли
 эшо явное опъ него поруганіе? —
 Храбрые Аспраханцы! мы должны
 общими силами опмспить Кур-
 мангалею и всему его народу? Какъ
 скоро выступимъ за границу, я
 позволяю вамъ бишь всякаго Казан-
 ца, жечь ихъ жилища, грабимъ
 имѣніе, словомъ: дѣлашь, чпо поль-
 ко вамъ полюбишь. Кто оплчип-
 ся своимъ мужеспвомъ, шопъ до-
 стойнѣ награжденъ будешъ. Свѣ-
 шлѣйшій Самсупдинъ благоволишь
 проводишь насъ до самой границы.

— Аспраханцы! возопилъ опяшь
 Сардаръ: — всякъ изъ васъ, имѣ-
 ющій на себѣ панцырь, подъ собою
 добраго коня и вьюкъ, полный хлѣ-
 ба, при бедрѣ мечъ, за плечами лукъ
 и колчанъ, а въ рукѣ копье, да
 усшремимъ на сей проошранный

холмъ , и да рашуешь подь знаменемъ *блистательной луны*.

Мгновенно рашникъ съ симъ знаменемъ воспекъ на показанный холмъ , а вокругъ его изо всего воинства начали собираться воины, имбующіе преимущесва , объявленныя Сардаромъ. Когда же онъ увидѣлъ, что никто болѣе не шевелился , то возопилъ : храбрый Рахмешуль начальствуешь сею избранною дружиною ! и въ то же время одинъ изъ свиты Сардаровой опдѣлился , и поскакалъ къ знамени блистательной луны. — Эшошь Рахмешуль былъ молодой Ташаринъ, красивый собою , одѣтый пышно.

Бывшій подь меня спарый Ташаринъ, вздохнувь сказалъ: Мудрено ли, что Рахмешуль храбрь, когда онъ родной сынъ перваго Банкаира придворнаго , у коего занимають деньги, — разумѣется безъ опдачи, не только Сардаръ и Муфшій, но и самъ Ханъ велельпный. Увѣрю себя, продолжалъ онъ, что и прочія лучше успроенныя полчища

доспанулся такимъ же храбрецамъ, ибо я подлѣ Сардара вижу двоюроднаго брата его и племянника Визири Башырши.

Слова сіи прерваны были Сардаромъ, которъй возгласилъ: Всѣ, хопя не имѣющіе панцыря, но подъ собою не плохаго коня, и вьюки полные хлѣба, при бедрѣ мечъ, а въ рукъ копье, — шеките на пошъ, же холмъ и рашуйше подъ знаменемъ *Булатнаго меча*. Неуспрашимый Баширъ надъ вами начальствуешъ.

Ну, не моя ли правда? покачавъ головою сказалъ спарый сосѣдъ мой.

Когда и сіе второе подчище устроилось, то Сардаръ возгласилъ: Всѣ изъ васъ, кои имѣютъ какихъ нибудь коней, и снабжены на дорогу хлѣбомъ, а сверхъ того естъ при нихъ мечи и копья, спупайше на сію долину и спройшесь подъ знаменемъ *жельзной руки*. Неуспрашимый Бикшашъ предводишельствуешъ вами!

Такъ и ожидалъ я, сказалъ
прежній Тапаринъ.

Оспающая полпа воинства
была наподборъ, но въ числѣ людей
обильнѣе всѣхъ прехъ первыхъ.
Кто изъ нихъ имѣлъ лукъ, но безъ
колчана, за то у другаго былъ пол-
ный колчанъ, а не было лука. У
нѣкоторыхъ луки безъ шепивъ, или
пустые колчаны. У иныхъ при-
цѣплены были клинкъ сабель, но
безъ ефесофъ, у другихъ древки
копьевъ безъ ратовищъ. Одинъ былъ
въ рубищахъ, но въ красныхъ сафь-
янныхъ сапогахъ; другой босъ,—но
въ порядочномъ кафтанѣ, и боль-
шая половина безъ колпаковъ, увя-
завъ головы суконными и краше-
нинными лоскутьями. Однакожъ
все они вообще были веселѣе, не-
жели прежніе. По всему видно, что
имъ не съ кѣмъ и не съ чѣмъ было раз-
сваваться, а ворошиться кое съ
чѣмъ всякой надѣялся. Они дѣлали
скочки, кривлянья и примѣрныя
бишвы..

Г Л А В А 7я.

Завтракъ Ханскій.

Сардаръ долго и внимательно осматривая сихъ рашниковъ, сказалъ: Вижу, храбрая дружина, что хопя число ваше и велико, но раздѣлишь васъ на два полчища неудобно для собсшвенной вашей пользы. Вы одинъ другому пригодны будете, посужаясь часпиями своихъ вооруженій; шакъ на примѣръ: имѣющій лукъ безъ стрѣль, да займешъ ихъ у поварища, и позабавившись надъ непріятелемъ, опдасшь его своему заимодавцу. Поступая шакимъ обрзомъ, всѣ вы довольны будете. Хопя оспанешесь подъ однимъ знаменемъ, но за шо я даю вамъ двухъ военачальниковъ. Собирайшесь на берегу шого болоша подъ знаменемъ *Волчьего хвоста*, а прозорливый Насыръ и опважный Кайшукъ да начальспвуютъ надъ вами!

Ну, вотъ дошла очередь и до меня! сказалъ сосѣдь мой, старый Гапаринъ; жаль только, что не вижу поварища моего въ воеводствѣ! — Видя же, что я повараживаю коня вслѣдъ за нимъ, онъ весело сказалъ: А, шакъ шы-шо ошважный Кайшукъ? поплешемся же къ нашему воинству. Съ шакими храбрыми и запасными вишызями, — повѣрь — мы нашворимъ чудесь; да и чего не въ силахъ произвешъ моя прозорливосшь, соединенная съ швоею ошвагою!

Свѣшъ пошемнѣль въ глазахъ моихъ. Я ожидалъ, что и съ конемъ своимъ провалюсь сквозь землю. Спыдъ и горесшь кружили мою голову. О невѣрный Ишмурашъ! эшихъ ли храбрыхъ людей шы общалъ мнѣ? съ ними ли могу я опличиться? Увы! эпо спая нищихъ, могущая спрошивное воинство привесши въ спыдъ, а не въ робосшь! Развѣ они къ шому пригодяшся, чшобы по окончаніи бишвы обдирашъ мершвыхъ!

Часть IV.

Д

Едва я и Насырь устроились впереди своей раши подъ знаменем Волчьяго хвоста, какъ бранныя трубы восрубили и раздался громогласный звукъ бубновъ; а моя рашь, не имѣя у себя такихъ припасовъ, по повелѣнію Насыра подняла такой ревъ, что лошади другихъ нашихъ полчищъ поднялись на дыбы и спали лягашься.

Вспрѣча сія приготовлена была показавшемуся изъ города Хану. Двадцатью невольниками, спѣнявшимися сполькими же другими по прошествіи каждыхъ двадцати шаговъ, несены были великолѣпныя носилки съ вызолоченнымъ балдахиномъ. Ханъ сидѣлъ на нихъ сложивъ ноги и куря трубку. За нимъ слѣдовали его пѣлохранишели верхами и богато одѣтые. Шествие замыкалось множествомъ духовныхъ, предводительствуемыхъ Муфтіемъ Шамагуломъ и придворнымъ Визиремъ Бапыршею. Они все и ихъ лошади убраны были великолѣпно. По сторонамъ и позади сей

знаши полпилась едва не вся Ас-
спрахань.

По срединѣ воинства носил-
ки остановились. Въ шу минушу
всѣ знашныя спѣшились и опро-
мешью бросились къ Хану. Слѣдуя
примѣру другихъ, а болѣе Насыра,
и я шуда же усшремился. — Тушѣ
Сардарѣ, яко главный хозяинѣ въ
семь случаѣ, продравшись къ но-
силкамъ, произнесъ: Высокоповеди-
тельный Ханъ! привѣшшвую ше-
бя на полѣ чесши! Воинство швое
многочисленно и усшроено наилуч-
шимъ образомъ. Оно раздѣлено на
четыре полчища, и каждое изъ
нихъ имѣетъ особое свое знамя и
особаго военачальника. Не благо-
волишь ли самъ возсѣсть на коня
и объѣхашъ ряды рашные. Твое
присущствіе подкрѣпишь ихъ му-
жесшво!

— Ты говоришь дѣло, отвѣчалъ
Ханъ; но я хочу напередъ подкрѣ-
пишь свои силы; и для того при-
казалъ Назиру моему Туймаку при-
готовишь кое-что позавшракашъ.

Въ одинъ мигъ поставлены были на носилкахъ у ногъ повелителя два преогромныя блюда и двѣ корзины. Въ одномъ блюдѣ помещень былъ — плавъ съ вареными въ маслѣ фазанами, въ другомъ половина жаренаго барана. Одна корзина полна была бѣлыхъ хлѣбовъ; — а въ другой заключались два пребольшіе кувшина.

Я полагалъ, что Ханъ пригласитъ къ завтраку по крайней мѣрѣ поддюжины вельможъ, но ни шупъ-то было. Пробормошавъ про себя какую-то молитву къ Аллѣ, онъ просянулъ руки, и когда невольники засучили ему рукава, и руки были вымышы, онъ успремился къ блюду съ плавомъ и фазанами. Я приспально на него глядѣлъ и не могъ довольно наглядѣшься. Не знаю, чему уподобитъ шу быспрошу, съ каковою двигались его руки опъ блюда ко ршу и опо рша къ блюду. Мнѣ болѣе бы надобно было времени съѣсть десяшь кусковъ шешлыка, чѣмъ ему цѣлое блюдо,

въ которомъ приготоовлено было. — удивленіе не мѣшало мнѣ веспи вѣрный щепъ — чешыре фазана, сваренные по крайней мѣрѣ въ липрѣ (*) сорочинскаго пшена. — Когда пустое блюдо было принято и ему шафшянымъ лоскушомъ уперли ротъ и руки, онъ выпашилъ изъ корзины кувшинъ, и едва хопѣлъ поднести его ко рту, какъ Визирь Башырша сказалъ въ полголоса: прости мнѣ, повелишель, маленькое напоминаніе. Весь народъ и воинство обращають ше перъ глаза на швое велельпіе, и не будешъ ли для нихъ соблазномъ видѣшь тебя вкушающаго напитокъ, виномъ нарицаемый? — Ханъ опшелъ руку съ кувшиномъ опрпа и взглянулъ пасмурно на Муфшія. — Никакъ! опвѣчалъ полиичный Шамагуль; великій пророкъ конечно запрещаешъ пишь вино простому народу, но о пове-

(*) Липра составляешъ вѣсу 8 фуншовъ.

лишеляхъ во всемъ Алкоранъ по сему предмету ни слова не упомянуто! — Муфшій лучше другихъ эшо дѣло разумѣешь! сказалъ Ханъ, взглянувъ косо на Башыршу, и не опшводя кувшина опо рша, выцѣдилъ вино до дна. — Въ два мига — такъ сказашь — шо же доспалось барану, хлѣбу и оспальному кувшину.

Г Л А В А 8 я.

В с а д н и к ъ.

По окончаніи сего лакомаго завтрака, Ханъ съ помощію десяти прислужниковъ снялъ былъ съ носилокъ и посавленъ на ноги. Поданъ знакъ; подведенъ Персидскій жеребецъ самой крѣпкой породы, украшенный драгоцѣннымъ уборомъ, въ коемъ шолько и видно было золото, перемѣшанное съ жемчугомъ, бирюзой и дорогими каменьями. Бирючь, по приказанію Визири Башырши, спавъ по срединѣ народа,

возгласилъ : высокоповелишельный Ханъ нашъ Самсупдинъ, изъ отеческой любви къ своему вѣрному народу, благоволишь воинство свое до самой границы Ханства провожать собственною своею особою, и бышь свидѣшелемъ непоколебимой храброспи онаго. Посему благочеспивоѣ духовенство и вѣрный народъ Аспраханскій да шествуетъ съ миромъ въ свои дома и гоповишя къ шоржеспву, съ каковымъ должны всѣ сословія встрѣшпшь своего повелшеля по возвращеніи съ побѣдою. Одни высокоименишыѣ: Муфшій Шамагуль, Визирь Башырша и Назиръ Туймакъ, съ необходимымъ числомъ прислужниковъ, должны сопущшвовашъ Хану въ многотрудномъ его подвигѣ !

По окончаніи сей бирючевой рѣчи, Ханъ подспушилъ къ коню, погладилъ его, покусилъ было подншшь лѣвую ногу для всшупленія въ спремя, но не могъ, а пошому и опушилъ ее смиренно. — Догадливый Назиръ, кошорый вѣрояш-

но понималъ всѣ могущія встрѣ-
питься Хану неудачи, въ чемъ бы
то ни было, сей часъ приказалъ под-
нести лѣшницу, что и было ис-
полнено. Оттого лѣшница о
прехъ плосныхъ, широкихъ скамь-
яхъ, была приспавлена къ лѣвому
боку коня; по сторонамъ ея спали
по три Гайдука, и такимъ поряд-
комъ взмошпили повелителя на спи-
ну Персіянца, и скамейка мгновен-
но оподвинуша. — Ханъ, съ дав-
нихъ лѣтъ не казавшійся народу
съ такого возвышенія, хотѣлъ по-
казать удалство свое: онъ сильно
пришпорилъ добраго коня и под-
дернулъ мушпукъ что было мочи,
а живошное — напрягшее спрем-
леніе свое сперва бросилъ
впередъ, а потомъ опспушилъ на-
надъ, весьма естественнo вскочило
на аршинъ вверхъ, и подобно
огромному камню опустилось на
землю, кошорая отъ сего паденія
заснонала; Ханъ, подобно ужасно-
му молошу, обрушивающемуся на
наковальню, спукнулъ объ его спи-

ну: спина конева запрещала, ноги его разбѣхались, онъ чревомъ припалъ къ землѣ, опушилъ голову, тяжело вздохнулъ, шевельнулъ разъ, другой хвостомъ, попрыскалъ ушами, еще вздохнулъ и — коня не спало, а Ханъ споявшій надъ своимъ подъяремникомъ — съ испуганнымъ, помершвѣвшимъ лицомъ, съ пропнушыми къ гривѣ коня руками, съ голою головою — совершенно представлялъ изъ себя живаго Кукама на его оводѣ. Все это сдѣлалось въ три мига.

Народъ и воинство подняло плачевный вопль, и всѣ возмутились. Приближенные шопча съ опшацили Хана опъ несчастнаго мершвеца, посадили на скамью, и всѣми силами старались его успокоить. Мало по малу онъ пришелъ въ себя и произнесъ со вздохомъ: Сардаръ! спупай, во имя Аллы, одинъ въ походѣ, а я опправляюсь въ Аспрахань!

Визирь Башырша искосился и наморщился. На глазахъ его и не

полишикъ примѣшилъ бы злобу и зависть. Онъ ужасался мысли, что Ишмурашъ, предводительствуя одинъ воинствомъ, — приметъ власть неограниченную, укоренился въ ней, и со временемъ можешь быть для него самаго опаснѣе Курмангалея. — Повелишель! воззваль онъ: не будешь ли неслыханное дѣло, что многочисленное воинство, имѣющее пройши всѣ обласпи Аспраханскія, не насладишься швоимъ лицезрѣніемъ? Не если ты для него то, что солнце во дни и мѣсяць въ ночи для всѣхъ земнородныхъ? Что скажешь лѣшописи Аспраханскія о своемъ повелишелѣ, кошорый — для споль мало-важной причины, что конь подъ нимъ подломился, опрехся сопущивовашъ рашной силъ своей на поприщъ побѣды и славы? Я дерзаю думать, что полезнѣе для всѣхъ, и въ особенноти для себя, предприять сіе пушешествіе на носилкахъ, ибо надобно сказать, что ни одинъ конь изо всей швоей Англии не

можешь въ добротѣ съ симъ сравнишься.

Движеніемъ головы Ханъ изъвиль согласіе, и Сардаръ въ свою очередь наморщился. Тупъ Муфшій, уклонясь до чреслъ Ханскихъ, съ прижапою къ сердцу лѣвою рукою, вѣщаль: я думаю шакъ, — и всякъ, кто знаетъ первыя начала полишки, надѣюсь, со мною согласишься. Конечно — какъ и прозорливый Визирь замѣпиль, — присушшвовашъ Хану среди воиншва полезнѣе, нежели не присушшвовашъ, и если по несчастію не лѣзя вѣхашъ верхомъ на конѣ, шо лучше бышь несену въ носилкахъ, нежели идши пѣшкомъ. Но разсуди — не полезнѣе ли для швоей славы, если я изобрѣшу средшво, споль же покойно и безопасно будешь вѣхашъ, какъ въ носилкахъ, а пришомъ виднѣе для воиншва, чѣмъ сидя на конѣ!

Всѣ придворные оказали знаки удивленія и погрузилась въ думу глубокую. — Скажи, пожалуй, —

шепнулъ Ханъ: мнѣ бы весьма желательнo было слышать такую шайну! Исполненіемъ твоего замысла я сдѣлалъ бы удовольствіе себѣ, народу и воинству, а сверхъ того и опдаленное потомство рекло бы съ удивленіемъ: Въ сей кровопролитной брани, — гдѣ кровь рѣками разливалась, гдѣ вопли и споны оглашали лѣса, горы, рѣки и доли, — Ханъ Самсудинъ — Ханъ Самсудинъ —

Г Л А В А 9 я.

Поправка въ дѣлѣ.

— Съ величіемъ пророка Магомета, — воззвалъ Шамагуль распрямясь и шоднявъ вверхъ десницу, — парящаго къ престолу Всевышняго на своемъ алборакѣ, да узришь Аллу лицомъ къ лицу, велельпный Самсудинъ, възсѣдая на хребтѣ двугорбаго верблюда, покрытаго парчами Персидскими и коврами Ин-

дѣйскими, — держа въ рукѣ обнаженный мечъ, указывалъ имъ пушью своему воинству, грядущему поразить буйнаго Курмангалея!

Рѣчь Шамагулова поразила Хана и вельможъ его. Повелитель выпучилъ глаза и разинулъ ротъ. Визирь и Сардаръ были въ такомъ же положеніи. Они всѣ съ крайнимъ недоумѣніемъ смотрѣли на своего Муфшія. — Какъ, спросилъ оправясь Ханъ, мнѣ садиться на верблюда? слыханное ли полно эшодло? Не ужели и сію явную нелѣпицу внушила тебѣ полишика?

— И при томъ самая разумная! возразилъ Шамагулъ. Выслушай терпѣливо, и суди! во первыхъ: изъ древнихъ, но не менѣе досто- вѣрныхъ бышописаній извѣстно, что когда великій Скандербергъ ворвался съ оружіемъ въ предѣлы обширной Индіи, то Монархъ оной Порръ съ безчисленнымъ ополченіемъ своимъ выступилъ къ нему на встрѣчу, сидя на преогромномъ слонѣ, и, надобно замѣшишь, что

онъ дѣлалъ сіе не по необходимости, что никакой конь не сдержитъ груза его могущества, но единственно для оказанія своей силы и пышности. — Вовшорыхъ: Мессопотамскій Папріархъ Іаковъ, когда съ женами и дѣшми ѣхалъ на свою родину, то всѣ они возсѣдали на верблюдахъ, а тогдашній Папріархъ по же значитъ, что шеперь Ханъ. — Впрешьихъ: что есть живошное пророково албаракъ? Ничто другое, какъ ублюдокъ ошъ осла и кобылы, какихъ у себя много, и называющся кашерами. Такъ если и самъ великій пророкъ рѣшился на албаракъ проѣхашъ всѣ семь небесъ и предсташъ предъ взору Неизреченнаго, то почему же ты, вельѣпный Самсудинъ, предаешься сомнѣнію возсѣсть на двугорбаго верблюда?

Основательность сихъ доводовъ разсѣяла всю недовѣрчивость Хана и вельможъ его. Самъ Башырша замѣшилъ, что вѣроятно пророкъ поразилъ коня для того, дабы

оплечить Хана опъ всѣхъ его подданныхъ. Немедленно нарочные посланы были въ Аспрахань привести въ спанъ воинскій прехъ самыхъ рослыхъ и дюжихъ верблюдовъ, и съ шѣмъ вмѣстѣ доставить великолѣпнѣйшее украшеніе, долженствующее покрывать очереднаго, ибо Ханъ намѣревался переблечь ихъ для сбереженія.

Въ ожиданіи возвращенія посланныхъ, по приказанію Хана разбишь былъ шатеръ пурпуроваго цвѣта. Внутри его разложены ковры и подушки, снятые съ носилокъ. Ханъ на нихъ опустился и скоро смежилъ очи свои. У входа поставлены были два чиновника для спражи. Ишмурашь позволилъ своимъ всадникамъ спѣшиться, пустишь коней на праву, а самимъ — буде хошашъ, — возобновишь прощаніе съ родными, чпо въ шу же минушу и было сдѣлано. Мѣсто для приготоовленія обѣда назначено задесяшь спадій опшуда, гдѣ долженствовало все войско также под-

крѣпимъ себя пищею и опдыхашъ до ушренней зари, а шамъ уже пушшишь ся вдаль. — Всякъ занялся своимъ дѣломъ. Бояре, вмѣстѣ съ возвратившимся духовенствомъ, возсѣли на холмѣ подъ пушовыми деревьями, и какъ тогда начиналась уже весна, сполько ранняя на берегахъ Хвалына, шо они и занялись разсужденіями о предстоящей брани и ея послѣдствіяхъ. Они, шакже какъ и я, попеременно разбивали въ дребезги воинство Курмангалея, брали его въ плѣнь, раззоряли его владѣніе и честно дѣлились корыстями.

Что касается до дружины, ввѣренной предводительству моему и Насырову, шо она подняла пошшныя кулачныя бипвы и пому подобныя воинскія забавы. Кто же изъ нихъ былъ догадливъе, тѣ примѣшивъ, что почти всѣ конники вмѣшались въ толпы народныя искашь друзей и кровныхъ, подсусѣдились укромно къ оставленнымъ ими вьюкамъ, попроши-

ли ихъ нещадно, пришали къ себѣ жаренныя мяса, сушенныя рыбы, хлѣбъ и овощи, а на мѣсто всего клали въ сумы комки смерзшейся грязи, небольшіе камни, обрубки дровъ и шому подобное; возвращались съ цѣломудреннымъ видомъ, и вступали въ игрища попрежнему. Другіе вмѣсто ихъ уходили на добычу и возвращались довольны попышкой; а какъ ихъ вдвое было болѣе числомъ, нежели первыхъ, то надобно думать, что мало добраго въ сумахъ оспалось.

Хотя я и Насыръ сіе удалство хорошо примѣшили, но казали видъ совершеннаго невниманія. На что добрыхъ людей сихъ лишашь и послѣдняго ихъ удовольствія, а особливо въ такихъ вещахъ, которыхъ потеря для богатаго ничего не причиняешь, кромѣ нѣкоторой досады.

Г Л А В А 10я.

П о х о д ъ.

Солнце было близъ полуденной черпы своего печенія, какъ Ханскіе верблюды со спутниками своими показались; народъ поднялъ крикъ и Ханъ продралъ глаза свои. Вельможи, вошедъ въ шашеръ его, повѣдали вину вопля народнаго и молили Хана, возсѣвши на единаго изъ шварей, удостоившейся нести споль священную ношу, поднятъ шесшвіе, ибо де — замѣшилъ Ишмурашъ съ важностію, — чѣмъ воинство долѣ медлишь возлѣ спѣнъ сполицы, въ кругу родныхъ и знакомыхъ, шѣмъ болѣе размягчается, а это во время брани ни куда не годишься.

Ханъ выведенъ изъ-подъ шашра, конникамъ дано повелѣніе готовишься къ походу, и Хану подвели верблюда, одѣшаго превеликолѣпно. Казалось живошное съ удвольствіемъ чувшвовало себя одѣ-

шымъ въ споль блестящія одежды. Не дожидаясь обыкновенной команды, верблюды преклонили колѣна, и Хану сіе весьма полюбилось. Принесли прежнюю скамейку, Ханъ взошелъ по ней на его спину, плотно умосшился, и по слову: Гаца (*) верблюдъ поднялся шихо и величественно. — Воинство, сидящее на коняхъ, зашрублило во всѣ трубы, забило въ бубны и шарелки, и — двинулось. Народъ поднялъ вопль — кто радости, а кто печали; вельможи окружили повелителя, и бранное шествіе началось въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди ѣхала великая толпа подъ знаменемъ Блиспашельной луны. За нею слѣдовалъ Ханъ на своемъ верблюдѣ со свитой. Далѣе двигались ратники Булашнаго меча, а заключалось шествіе вишязями Золотой руки. Что касается до моей дру-

(*) Симвъ восклицаніемъ обыкновенно по-
нуждають верблюдовъ и ословъ къ ходу.

жины, то она опредѣленнаго мѣста не имѣла, а шла, гдѣ кому вздумалось, и знамя Волчьяго хвоста развѣвалось по шамъ, по сямъ. Позади всѣхъ пянулся Ханскій и вельможь его обозъ. Въ немъ заключались шапры, поварни, невольники, два оспальные верблюда, великое число заводныхъ лошадей, и на послѣдокъ десяшка два быковъ и цѣлое стадо барановъ, назначенныхъ на жершву его велельпю.

Дружина моя, вѣрояшно явившись на сборное поле съ шощими желудками, время сіе почла наибудобнѣйшимъ для уполенія своего голода; почему каждый воинъ, вынимая изъ сумки своей, чѣмъ нагрозило ее Провидѣніе, спокойно кушалъ. Чавканье ихъ — подобно шуму необозримой шучи саранчи, когда она ниспускается на обильныя нивы, далеко ошъ себя производишь звукъ, подобный скрежешанію зубовъ или кошенію сѣна, — не могло не возбудишь вниманія конниковъ. Видя въ рукахъ пѣше-

ходовъ куски хорошаго хлѣба, жирной жареной баранины, или вяленой осетрины — они не мало дивились лакомству сихъ чикалокъ (*), какъ они ихъ не обинуясь называли, — и ждала неперпѣливо прибытія на мѣсто опдыха, чшобы оказашъ шакую же роскошь.

Мы были довольно долго въ дорогъ, и солнце взошло уже на шу шочку небесную, чшо деревья начали въ шощъ день въ другой разъ давашъ длинную шѣнь. Во время шесшвія Ханъ шысячу разъ спрашивалъ у Назира, скороли покажешя мѣсто обѣда, ибо онъ шакъ опощалъ, чшо едва можешъ держашъся на верблюдѣ.

Наконецъ прелестное мѣсто сіе опкрылось. Эшо была ровная веселая лужайка, раздѣляемая чисшымъ ручьемъ на двѣ почши равныя половины, и окруженная со всѣхъ

(*) Родъ малорослыхъ волковъ.

споронъ лѣсными урочищами. На берегу ручья, въ нѣсколькихъ мѣстахъ свѣшло пылали костры дровъ, а вблизи ихъ спояли великіе мѣдные кошлы, изъ коихъ выходилъ густой жирный паръ, наполнившій благоуханіемъ цѣлую долину. Ханъ началъ упирашь рошъ, и почпи всѣ всадники ему послѣдовали.

По двумъ причинамъ, во первыхъ: что солнце гораздо прошло уже половину дневнаго своего печенія, а вовпорыхъ: чшобы быспрымъ походомъ не опягопишь воинства, назначена долина сія мѣспомъ ночлега; почему всѣ расположились шупъ спаномъ, каждое полчище вокругъ своего знамени. Лошади пущены на праву, и всякой вознамѣрился ушопишь ближайшую пошребность; что же касаетя до моея раши, то она, ушопя жажду изъ ручья, расположилась опочишь около береговъ его. Самсущдинъ разсѣлся на пригошовленномъ для него мѣспѣ, и съ нимъ — по обыкновенію — удосшбены со-

возлежать: Визирь, Сардаръ и Муфшій; прочіе же великіе, середніе и малые чиновники занялись обѣдомъ каждый особо, попарно, или какъ пожелали.

Я нашелся въ великомъ и крайне непріятномъ затрудненіи. Пошоропясь на сборное мѣсто, я ни мало не подумалъ, что когда нибушь захочу ѣсть, пить и чѣмъ нибудъ пріодѣшься во время ночи. Никто — ни самъ даже поварищъ мой въ воеводствѣ, Насырь — не былъ сполько госпепріимень, чтобы пригласить меня къ шрапезѣ. Когда я поглядывалъ шуда и сюда, ожидая отъ кого-либо приглашенія, подошелъ невольникъ, служившій мнѣ наканунѣ въ домѣ Шамагуловомъ. — Почтенный другъ нашего благочеспиваго власпелина, — сказалъ онъ — не хочешьли подойти къ шашру его, насышишь голодь, ушолить жажду, и послѣ покойно ошдохнуть на мягкомъ коврѣ подъ теплымъ одѣяломъ. На эшо есть особенная воля его. — Я весьма

охотно исполню сію свяшую волю, сказалъ я съ радостію, и быспро пошекъ за невольникомъ. — Проходя ряды всадниковъ, съ удивленіемъ выпаскивавшихъ изъ сумъ своихъ гнилушки, камни, грязь и шраву, я довольно слышалъ ихъ ропоть, проклясія и угрозы. Нѣкошорые — ошпановивъ меня, — больно жаловались на подвластныхъ мнѣ чикалокъ и шребовали должникаго удовольстворенія, но я ошговаривался незнаніемъ, продолжалъ пушь далѣе, достигъ своей цѣли, щедро наградилъ свое терпѣніе и разлегся на коврѣ, разсуждая объ участи, ожидающей меня въ будущемъ.

Г Л А В А 111.

Т р е в о г а .

Съ наспупленіемъ ночи многочисленныя костреы ярко воспылали. Придворныя гонцы разсыпались по всему спановицу съ повелѣніемъ отъ Сардара, чтобы всѣ рашники, для оказанія предъ Ханомъ своего веселія, съ коимъ готовящаяся къ предстоящей биптвѣ, неумолчно пѣли пѣсни, какія кому взойдушъ въ голову, при играніи на трубахъ и при звукъ бубновъ. Ошговорки нѣкопторыхъ всадниковъ, что они, по причинѣ чувствуемаго голода, лишились голосовъ, не были приняты во уваженіе; поднялся шумный гуль и завыванія и сосѣдственныя холмы и доли, лѣса и перелѣски огласились звукомъ рашнаго пѣнія. Нѣшеходы мои, сытые припасами всадниковъ, весьма дружно имъ подшянули: раздался вой и вопль, отъ начала міра въ шѣхъ мѣспахъ несслыханный,

и казалось, судя по наружности, что всякой изъ рашниковъ готовился на убой съ такимъ веселіемъ, какъ бы на пирь свадебный. — Осправясь къ шапру Ханскому, я нашель его велельпіе сидящимъ на дорожномъ диванѣ съ прубкою въ рукахъ. Вокругъ его расположились придворные и воинскіе чиновники, по своимъ званіямъ, шакъ что кшо былъ знанше, шотъ ближе сидѣлъ къ Хану и имѣлъ полное право шочить ему всякія лясы.

Уже высоко шекла по свѣшлому небу звѣзда полуночи, и Назиръ Туймакъ принесь Хану вождѣленную вѣсть, что скоро ужинъ гоповъ будешъ; уже Ханъ и ближніе Двора его начали гладить у себя усы и бороды, какъ вдругъ громогласное пѣніе умолкло, лица всѣхъ измѣнились, и мы слышали не въ далекъ съ правой спороны крикъ и вопль людей, ржаніе коней, мычаніе быковъ и бляеніе барановъ. — Ханъ и всѣ окружающіе его поблѣднѣли, руки ихъ

опустились, дыханіе оспановилось.

— Къ оружію! храбрые Аспраханы! вскричалъ Сардаръ Ишмурашъ: подведише коня моего добраго, и стойше же дружно вокругъ Хана! Да увидишь онъ, какъ поразимъ мы дерзкихъ супоспашовъ, дерзнувшихъ обезпокоишь насъ почти во время самаго ужина! — Ахъ! произнесъ Ханъ со спономъ, не лъзя ли мнѣ хопя на носилкахъ опспупишь назадъ? Какой злой духъ выдумалъ, чшобы и Ханы присупшвовали на сраженіяхъ! Если даспъ мнѣ благій Алла добрапъся кое-какъ до Аспрахани, шо не скоро опяшь опшпуда выманяпъ!

Между шѣмъ какъ всѣ находились въ ужасномъ движеніи: кто садился на коня, кто уже дѣлалъ на немъ разные повороты, время опъ времени опдалаясь, чшобы благовиднѣ навоспришь лыжи, кто храбро махалъ во всѣ стороны саблею зажмуря глаза и произнося ужасныя прокляшя, — раздался

сильный, но утѣшительный вопль: свои! свои! и все вмигъ успокоилось; Ханъ, вздохнувши лѣжку, опустился на диванъ, и Ишмурашъ грозно повелѣлъ своимъ всадникамъ предспавишь немедленно дерзновенныхъ, кои были причиною сей ужасной превоги.

Въ самомъ скоромъ времени предспали къ Хану человекъ съ двадцать воиновъ и спелько же безоружныхъ хлѣбопашцевъ. — Дерзкіе! вопіяли первые: какъ осмѣлились вы протривившися законной власти? — Разбойники! кричали другіе: развѣ мы не такіе же подданные и не одному владыкѣ служимъ? — Посмотримъ, что-то скажешъ повелитель! — вопіяли и тѣ и другіе, и спали вокругъ Ханскаго дивана.

Тщешно Визирь Бапырша, Сардаръ Ишмурашъ и Муфтій Шамагуль увѣщевали спорящихся прервашъ свои вопли и говорившъ по одиначкѣ, чтобы можно было хотя что нибудь разслышашъ; они

ни чему не внимали, горланили изо всей силы, грозили одни другимъ кулаками и покушались другъ другу вцѣпиться въ бороды. — Тушъ догадливый Сардаръ видя, что краснорѣчіемъ ничего не успѣешь, далъ знакъ, и человекъ со сто окружили несогласныхъ. — Клянусь пророкомъ, вскричалъ. Ишмурашъ изо всей силы, что не разбирая кто правъ и кто виноватъ, прикажу до полусмерти бить нагайками, кто шолько ропъ разинешъ!

Сии немногія слова, сопровождаемыя приличнымъ пѣлдвиженіемъ и поднятными вверхъ плотными нагайками имѣли желанное дѣйствіе. Воины и пахари онѣмѣли и довольствовались шолько киданіемъ одни на другихъ свирѣпыхъ взглядовъ. Сверхъ того они грозились кулаками.

Ишмурашъ продолжалъ: по вашимъ пѣнящимся губамъ, по подбитымъ глазамъ, по окровавленнымъ носамъ и растерзаннымъ въ лохмотья одеждамъ, усматриваю,

что между вами произошло нѣкоторое недоразумѣніе. Именемъ здѣсь присуществующаго правосуднаго Хана объяваю законное удовлетвореніе обиженной споронѣ и достойное наказаніе обидѣвшей. И пакъ ты, старшина Губей, повѣдай намъ всю истину о семъ происшествіи и жди мздовоздаянія. Прочіе всѣ должны безмолвствовать, пока не дойдешь до кого своя очередь.

Г Л А В А 12 я.

Способъ прокормленія.

Губей, утѣрши окровавленный носъ и приведши въ порядокъ распрепанные волосы, произнесъ: всей правовѣрной конницѣ нашей извѣстно, какъ чувствительно изобидѣли насъ проклятые чикалки. Прощаясь на поляхъ Астраханскихъ съ родными и друзьями, мы и не примѣтили, что кисы наши опустошены были дочиспа. Когда

пришло время подкрѣпить ослабѣвшія опъ дальняго похода силы, мы, вмѣсто лакомыхъ снѣдей, нашли у себя шраву и гнилушки. Въ присущствіи Хана поднявъ мщеніе, показалось намъ нѣсколько неблагоприспойно; а попому — на совѣтѣ всей конницы, положили мы не прежде обнаружитъ праведный гнѣвъ свой, какъ вышупя за границу, и шамъ-по располагались добрымъ порядкомъ проучить невѣждъ сихъ. Но какъ чрева наши вопіяли, шребуя обычной имъ дани, по я выдумалъ прекрасный способъ удовлетворить сему шребуванію со всеобщою пользою. Собралъ сихъ храбрыхъ поварищей, гошовыхъ рашовашъ вмѣстѣ со мною подъ знаменемъ Золотой руки, я повелъ ихъ въ ближайшую опсюда деревню, въ кошорой староспою — вошь эшопъ сѣдой забіяка, кумъ мой Мамей. — Пришедъ къ нему съ дружиною, я весьма вѣжливо сказалъ: любезный кумъ! шебъ извѣстно, что мы идемъ завоевашъ

Казанское Ханство, и будь увѣренъ, что въ самомъ скоромъ времени возвратимся домой съ такою добычею, что не будемъ знать, куда дѣваться съ нею. А между тѣмъ отдай ты намъ — на пушевую потребу — обоихъ своихъ быковъ, да десятокъ два овецъ съ ягнятами. Когда возвращаться будемъ изъ похода, ты получишь отъ насъ данное побойю съ лихвою! — Въспомоги, чтобы на такую крошечную рѣчь отвѣчать дружелюбно, какъ слѣдовало куму, Мамей озлился какъ ведомый въ плѣнъ Москвитянинъ, и отвѣчалъ, что онъ не для насъ имѣешь овецъ и быковъ. — Какъ по военнымъ обстоятельствомъ нѣкогда было мнѣ щеряшь время въ празднословіи, кошорое и между невѣрными считается тяжкимъ грѣхомъ, то я приказалъ сопутникамъ своимъ опцерепеть насильно хлѣвы его и выгнать что попадется. Едва начали совѣш мой приводишь въ исполненіе, какъ возмушительный кумъ Мамей на-

чалъ вопишь о помощи, какъ будто мы были Казанцы или Московшяне. Къ нему сбѣжались всѣ его сосѣди — и спустя самое короткое время — получили мы тяжкіе удары. Какъ можно, чшобы благородный воинъ уступилъ подлomu землепашцу? Мы приняли дерзкихъ сперва въ нагайки, а погодя начали опшихиваться раповищами. Чшобы и сосѣди Мамеевы, участвовавшіе въ бунтѣ, не оспались безъ должнаго опмщенія, шо мы и въ ихъ хлѣвы заглянули, и погнали сюда все, что намъ не пропивилось. Опъ самой деревни до воинскаго спана мы провожаемы были проклятіями, камнями и полѣньями, а нѣкоторые были споль дерзки, что, догоняя насъ, поражали по чемъ хошѣли, и перзали наши одежды!

Симъ воинспвующій Губей кончилъ рѣчь свою. — Сардаръ Ишмурапъ, подумавъ съ должнымъ вниманіемъ о словахъ его, спросилъ Мамея: шы что въ оправданіе свое

скажешь? — Въ оправданіе? возразилъ невѣжливый креспьянинъ: клянусь пророкомъ — хошь сей часъ пять сотъ ударовъ по подошвамъ, я не знаю, въ чемъ мнѣ оправдываешься! Разбойникъ сей со своею шайкою напалъ на насъ, и мы же еще должны — О нечеспивецъ! взревѣлъ Сардаръ: пы еще и въ нашемъ присущствіи осмѣливаешься буянить и сквернословить! Развѣ неизвѣсто всѣмъ вамъ, что мы спремимся на кровопролитную бишву для опмщенія Хану Курмангалею за его невѣжливоспъ? Когда и ему нѣтъ спуску отъ правосуднаго Хана Самсуддина, по вамъ ли, ничтожнымъ шварямъ, дозволено будетъ озарничать безъ наказанія? Храбрые воины! берите смѣло въ руки крѣпкія нагайки и прогоните сихъ дерзкихъ сколько можно дальше отъ спана, чтобы безушный визгъ ихъ не касался нашего слуха.

Въ одно мгновеніе человекъ спо нашихъ вищязей засвисѣли въ воз-

духъ нагайками и опустили ихъ со спремленіемъ на головы и спины прошивниковъ. Сіи взвыли что было въ нихъ силы, и обратились въ бѣгство. Ихъ преслѣдовали, повпоряя удары, и въ непродолжительномъ времени наславшая пишина всѣхъ успокоила. — Ханъ Самсундинъ, держа въ дланяхъ кувшинъ, шушилъ надъ испугомъ придворныхъ, увѣряя, что онъ въ сей сумашохъ ни мало не потерялъ присущствія духа. — Пригнанная Мамеемъ добыча раздана по войску, поднялось пиршество веселое и продолжалось гораздо за полночь. Замѣтно было, что шеперь всадники наши орали пѣсни съ большею охотою, чѣмъ прежде. Наконецъ, когда уже всѣмъ наскучило ѣсть, пить, пѣть и слушать пѣніе, мы предались покою, и мнѣ весьма не худо показалось опочивать подъ шатромъ Муѣшіевымъ на мягкихъ коврахъ Аспраханскихъ.

Такимъ почти образомъ, съ нѣкоторыми только перемѣнами, въ

походъ семь провели мы шрое сушокъ. Воины наши, подражая храброму Губею, не имѣли недоспашка въ пищѣ. Даже самая дружина моя, чѣмъ далѣе шла, тѣмъ спановилась исправнѣе въ вооруженіи; ибо, когда всадники грабили у креспьянъ хлѣбъ и скопину, пѣшіе въ то же время отбирали всякаго рода вооруженіе, увѣряя кляпвенно хозяевъ, что на возвратномъ пути все отдано будещъ хозяевамъ въ наилучшемъ порядкѣ.

Г Л А В А 13я.

Непріятель въ виду.

Наспалъ и четвертый день нашего похода, день роковой, незабвенный въ лѣтописяхъ Аспраханскихъ. Солнце было близъ полуденной черпы своей; воздухъ чистый и ясный, а пухевые пруды придавали всѣмъ охоту къ объѣду. Уже Ханъ Самсупдинъ, возсѣдъ на сво-

емъ верблюдъ, прежде всѣхъ съ опеческою ласкою возвѣспилъ, что видишь дымъ, курящійся отъ возженныхъ костровъ, у коихъ обѣдъ ему готовили. — Скоро и мы увидѣли нѣчто на то похожее, и начали понукавъ лошадей къ скорѣйшей выспуцкѣ. Не успѣли прошатать и полспадѣи, какъ ясно услышали топотъ бѣгущихъ за ближнимъ пригоркомъ, и вскорѣ весьма ясно узнали, что то былъ Назиръ Туймакъ со всею своею поваренною свишою. Они всѣ были блѣдны какъ мершвые; ужасъ изображался на ихъ лицахъ.

— Спой, спой! вопіялъ Назиръ; Казанцы бѣгутъ по пятамъ нашимъ. Увы! всѣ запасы мои до сихъ поръ въ рукахъ вражескихъ. Обѣдъ былъ совсѣмъ готовъ, обѣдъ, какого мнѣ во всю жизнь рѣдко приготоуовишь удавалось. Какой плавъ, какая баранина! я ожидалъ отъ Свѣшлѣйшаго Хаана похвалы и подарка, а вмѣсто того, — о Алла! злобный Курмангалеи съ насмѣшкою опусто-

шаетъ со своею свихою кошлы мои и кувшины!

Такъ вопіялъ опчаянный Туймакъ, билъ себя въ грудь рукою и возводилъ глаза къ небу. Всѣ воспрепешали, какъ будто они, идучи на брань, никогда не думали вспрѣпшиться съ непріацелемъ; что же касается до меня, то не хваспаясь скажу, я больше радовался се-му, полагая, что наспалъ наконецъ вождедьный день, въ который докажу безпримѣрную храбрость свою, возвеличу славу Аспраханскаго оружія, и шѣмъ пріобрѣшу законное право на помощь со стороны Самсудина.

По приказанію Сардара воинство наше оспановилось. Взоры всѣхъ обращены были впередъ. Въ глубокомъ безмолвіи воины на-двигали глубже колпаки свои и разглаживали усы и бороды. Ханъ Самсудинъ, бывъ увѣренъ, что на верблюдь не лзя уйши отъ непріащеля, согласился оспашься при своемъ воинствѣ со всѣми при-

дворными. Всадники прехъ пер-
 выхъ знаменъ чинно передъ нимъ
 выспроились, раздѣлясь на при-
 кучи. Благочестивый Муфшій Ша-
 маруль началъ возсылать молитвы
 къ небу, испрашивая благословенія
 и побѣды нашему праведному ору-
 жію; Визирь Бапырша вычислялъ
 Хану всѣ выгоды, какія сопряже-
 ны будутъ для него и народа съ
 побѣдою надъ врагами, а Ханъ,
 слушая все сіе съ нѣкоторымъ онѣ-
 мѣніемъ, произнесъ: надобно же
 бысть шакому несчастію, что про-
 клятые Казанцы опустошили объдъ
 нашъ! не лучше ли было бы для
 насъ, еслибъ они напали послѣ объ-
 да? О пророкъ! что - то со мною
 будешь!

Ишмурапъ, успроя воинство
 къ бою, произнесъ къ оному слѣду-
 ющую рѣчь: Наспалъ день, храб-
 рые вишязи! сколько желанный
 вами! По вашимъ пощупленнымъ
 въ землю взорамъ, ясно вижу я,
 сколько хочется вамъ видѣшь не-
 пріяшеля на землѣ распроспершаго!

Будьте твердо увѣрены, что вы сильнѣе его въ числѣ и превосходнѣе въ храбрости, и вы навѣрно побѣдите супостата. Повелѣваю вамъ никому изъ нихъ не дѣлать пощады: эта мѣра самая несомнѣнная для желающихъ побѣды. Спрѣляйте враговъ, рубите, колигите! Будьте увѣрены, что ворота Казанскія для васъ опверсны, и всѣ богатства столицы, — а онѣ безчислены, — перейдутъ въ ваши карманы! — Ты, Насыръ, и шы, Кайшукъ, спускайте съ пѣхопнымъ воинствомъ своимъ впередъ, устремляйтесь, и подобно вихрю, окруживъ непріятеля, сбейте его съ пуши, разстройте ряды его, смѣшайте ихъ, приведите въ пренешъ и вождей и воиновъ! Это дѣло весьма не мудреное, а особливо для такихъ вишязей. Какъ скоро увижу, что вы приказаніе мое въ точности исполните, и Казанцы обращать къ намъ хребты свои, тогда я — подобно стрѣль молнійной, — полечу къ вамъ на помощь

со всею конницею; побью всѣхъ на голову и попопчу конскими ногами! — Спупайте, храбрые воины! Алла да хранишь васъ и милуешъ!

Пѣшеходы наши сжались въ одну огромную кучу, подобно спаду овецъ при приближеніи волка. Я и Насырь на коняхъ — начали шествіе впереди всего ополченія. Между нами шель бодрый воинъ, держа высоко знамя Волчьяго хвоста. За нами слѣдовали два гудошника, и а кану нѣ выпрошенные мною у Сардара, дабы игрою ихъ придашь бодрости рапникамъ. Они дудили въ рожки свои какъ опчаянные, и ни мало не уступали въ искусствѣ своемъ мнѣ, когда я священнодѣйствоваль во храмѣ Макука. — За нами плелось воинство, произнося рапные крики и вопли. Оно насмѣхалось надъ Казанцами, махало руками, шопало ногами, представляя себя сражающимся и побѣждающимъ. Кто натягиваль лукъ, кто звенѣль колчаномъ, кто потрясаль копьемъ. У

кого не было ни одного язъ сихъ снадобьевъ, шѣ засучивъ рукава, вызывали прошивниковъ, угрожая передавить всѣхъ, кто ни попадется. Воображеніе каждаго изъ нихъ пылало такою храбростію, что имъ скучно показалось шакъ долго дожидаться непріателя, почему они сперва легонько, а потомъ и покрьпче начали сосѣдъ сосѣда одбляшь пощечинами, оплеухами и подзатыльщинами. Колпаки лепали по воздуху, стукъ оппускаемыхъ ударовъ и вопль, сопровождавшій оныя, наполняли окрешности. Конное войско, слѣдовавшее за нами въ виду, видя шакія пошѣхи своей пѣхошы, предвѣщало себѣ много добраго, и въ знакъ веселія, время опъ времени шакже поднимало радостные вопли.

Г Л А В А 14 я.

Единоборство.

Болѣе получаса проходили мы ровною долиною, занимаясь воинскими пригошовленіями. Вдругъ — впереди насъ, на два выспрѣла изъ лука, — на довольно возвышенныхъ холмахъ начало показываться воинство непріятельское. Оно прибывало быстро, подобно волнамъ моря, гонимымъ бурнымъ вѣтромъ на берега пологіе. — Рапники наши ошановились. Крикъ, музыка, пѣніе, восклицанія, прыжки и коверканья, — все умолкло, оцѣпенѣло. Открытые ршы не издавали звуковъ; неподвижные взоры каждаго — не сводились съ ужасныхъ холмовъ, болѣе и болѣе покрываемыхъ всадниками, ибо мы въ Казанскомъ воинствѣ не видали ни одного подобнаго нашей пѣхотѣ. — Я сдѣлалъ о семъ замѣчаніе своему поварищу, и жаловался ему на несправедливостъ Курмангалея, что

онъ , идучи прошиву насъ , не набралъ такой же пѣхоты. — Что мы будемъ дѣлать , спросилъ я : видишь , они всѣ какъ исполины , а лошади ихъ росли какъ верблюды. Ну , можно ли доставать ихъ кулаками , на кои мы болѣе всего надѣялись ?

— Разсуждать теперь поздно , — возразилъ Насырь со смященіемъ ; надобно дѣйствовать , да и поскорѣе. Видишь , Казанцы построились уже къ бою ; они натягиваютъ луки. — Пророкъ ! они вынимаютъ сабли ! какое же безчисленное ихъ множество ! конья , какъ столѣтнія сосны , и нѣтъ ни одного безъ острія желѣзнаго ! Казанцы — вѣроятно почти безмолвную неподвижность нашу за какую нибудь умышленную воинскую хитрость , также остановились , и вскорѣ нѣкопорые смѣльчаки вырвались изъ рядовъ , скакали по полю , махали саблями и вызывали нашихъ на единоборство ; но мы были какъ приросшіе къ землѣ

кочни капусташныя, и довольствовались геройствомъ, чпо еще споимъ на мѣспѣ. — Осмаприваясь назадъ — у кого еще глаза не помершвѣли — видѣли мы, чпо всадники наши пакже спояли на мѣспѣ, и дѣлали намъ знаки начатъ бипву.

Чпо же, отважный Кайшукъ, сказалъ Насыръ нѣсколько сердито, разве мы вышли на позорище? Не ужели пы, бывъ вооруженъ какъ Тахшамышь, не осмѣлишься ни съ однимъ Казанскимъ озарникомъ помѣряпья силами? а кажешся случай шого спойшь! не всякому наѣзднику удаспья свидѣтелями до-сужспва своего имѣшь два воинспва съ ихъ повелишелями! О, еслибъ я былъ нѣсколько помоложе, и конь — мой ровеспникъ, — былъ бы удалѣе, до сихъ поръ, клянусь цѣлоспю усовъ моихъ и бороды, до сихъ поръ не однабы Казанская голова цѣловала землю Аспраханскую. Въ мое время бывало. . . .

Слова его, голосъ, ужимки, — поколебали мою нерѣшимость. Миѣ

и въ самомъ дѣлѣ показалось, что лучшаго способа не найти болѣе, чтобы удивить Самсудина и однимъ разомъ навсегда приковать къ себѣ его благосклонность. — Ты справедливо недоумѣваешь о моемъ бездѣйствіи, вскричалъ я; и будь увѣренъ, что сіе произошло изъ одного моего почтенія къ твоей особѣ. Но какъ скоро ты добровольно уступаешь мнѣ право предводительства, то увидишь, и при томъ скоро, что я не посрамлю себя и своей дружины, вверенной моей отвагѣ! — Безспрашные вишязи! могучіе богатыри! воззвалъ я къ ополченію: смоприше на меня и гоповшесь на великій подвигъ! я вызову на поединокъ храбрѣйшаго изъ наѣздниковъ Казанскихъ. Покуда будемъ мы рапоборствовать, вы по теперешнему стойте неподвижно; но какъ скоро увидите, что голова противника, торча на копѣе моемъ, почишь по немъ ручьи кровавые, тогда — призвавъ пророка въ по-

мощь, и поднявъ, сколько у кого есть силы, вопли побѣдные, спремись на непріятеля, и — по прежнему благородному обычаю — никому спуску не дѣлайте!

Проговоря сіи слова, я укрѣпился въ спременахъ; взявъ въ правую руку копье, и плавнымъ шагомъ выѣхалъ впередъ моего воинства. Видя, что и съ прошивной стороны дѣлаешь подобное приговленье ужасный соперникъ, я произнесъ съ благоговѣніемъ имя Макука, согнулся въ дугу, толкнулъ обѣими ногами въ бока коня своего, и пустился впередъ какъ изъ лука стрѣла, пущенная сильною рукою. Призванный мною Макукъ невидимо направилъ бѣгъ коня моего влѣво отъ направленія непріятельскаго; почему мы и развѣхались, и прежде нежели могли останоуишь своихъ иноходцевъ, уже каждый изъ насъ былъ передъ носами своихъ непріятелей.

Правила единоборства у всѣхъ образованныхъ полишикою наро-

довъ, стипаюцца священными. Од-
 ни дикари въ подобныхъ случаяхъ
 пустилибы шучу спрѣль на бога-
 шыря неприязненнаго, но напро-
 шивъ того Казанцы и Аспрахан-
 цы подняли — будто сговорясь —
 громкій хохотъ и радостныя завыва-
 ванія, копорыя привели меня въ
 спыдъ, а прошивника моего въ
 гнѣвъ великой; ибо, когда я оборо-
 ропя коня, легкою рысью опять
 поѣхалъ къ нему на вспрѣчу, сей
 свирѣпый Ташаринъ останоуился,
 бросилъ на землю копые, выпаш-
 цилъ изъ ноженъ саблю, длиною
 съ него самаго, и укрьпившись въ
 сѣдлѣ, сказалъ вслухъ всему вой-
 ску: пусть спрѣлами и копыями
 сражающся слабые, прусливые лю-
 ди, чшобъ проливника доспашъ
 издали. Чшо касается до меня,
 не хочу знашь другаго оружія, крѣ-
 мѣ моей сабли. Ни съ мѣста не
 сдвинусь я, дабы видно было, кто
 изъ насъ спараешся дѣлать прома-
 хи. Подъзжай, храбрый випязь, и
 гошовся бышь у меня на арканѣ.

Слыша шаковое ругательное хвасновство, я самъ подвигся на гнѣвъ великій; но видя его и въ самомъ дѣлѣ гошоващаго арканъ, я пораженъ былъ боязнію, чшобы безъ сраженія не сдѣлашься побѣжденнымъ и пришомъ плѣнникомъ. Когда я находился въ недоумѣніи, чшо начашъ долженъ, Макукъ опять подоспѣлъ ко мнѣ на помощь. Конечно онъ, а не кто другой вразумилъ храбраго Насыра. Будучи, какъ послѣдствіе показало, смѣлъ, храбръ и силенъ, онъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ, поднялъ великое копье Казанскаго нахала, и когда шомъ всѣ спаранія обращалъ на мои движенія, сей подкрался къ нему сзади, и чшо было силы въ обѣихъ рукахъ, преснулъ наѣздника по зашылку. Высоко взвился въ воздухъ красный оспроконечный колпакъ его; грозные очи закрылись, могучая голова свалилась къ плечамъ, крѣпкія руки опустились, и онъ, подобно буйволу, низвергающемуся съ уше-

са Кавказскаго, низринулся на землю, и осиротѣлый конь его одинъ успрямился къ своему воинству. —

Оба воинства подняли ужасный вопль. Казанцы начали двигаться впередъ, и я видя, что должно уже начаться дѣло настоящее, воззвалъ: повѣрьте мнѣ, храбрые Аспраханцы, что сполько же легко сразить всѣхъ Казанцевъ, какъ сразили сего надменнаго изувѣра. За мною! впередъ!

Показывая видъ самаго неуспрашимаго, я двинулся, и мои пѣшеходы, произнося брани и проклятія Казанцамъ, храбро за мною слѣдовали, выпереживая одинъ другаго. Таковая неожиданная неуспрашимость несказанно меня радовала, и я напередъ поздравлялъ себя и ихъ съ побѣдою. Конница наша двухъ первыхъ знаменъ шихонько двигалась, а прешье знамя оспавалось оберегать Самсуддина съ его верблюдомъ и со всѣми придворными.

Когда мы были опъ непріятеля шаговъ на двѣсти, небо покрылось Казанскими стрѣлами, копорья въ видѣ дождя на насъ упали, и меня между прочими ранили въ рукавъ кафшана. — Аспраханцы вдругъ ошановились, опряхивая ниспадшія сверху стрѣлы кому на голову, кому на плечо, кому на грудь. Они прибыли въ семь положеніи нѣсколько мгновеній, а послѣ, возопивъ совокупно: гайда! гайда! подобно огромной кучѣ ниспадшихъ древесныхъ листьевъ, поднятыхъ вихремъ, или стаѣ испуганныхъ воронъ, всѣ бросились направо и налѣво, и весьма скоро сокрылись за холмами и буераками. Оспававшійся на мѣстѣ носитель знамени Волчьяго хвоста, положи ко мнѣ сіе священное бремя, сказалъ: ты на лошади, такъ оно не сдѣлаешь тебѣ никакой помѣхи; а мнѣ съ нимъ ускользнуть трудно! — Послѣ сихъ словъ онъ также бросился въ сторону. Зная изъ первыхъ началъ божественной поли-

пики, чпо одному и самому великому виписю прошиву двухъ обыкновенныхъ прудно праши, а прошиву цѣлаго ополченія невозможно, я взялъ знамя и пустился во всю конскую прышь къ своему воиншву. —

— Храбрый Кайшукъ! сказалъ Сардаръ, когда я къ нему подѣхалъ: если бы всѣ Аспраханцы, бывшіе подъ швоимъ предводительствомъ, имѣли швое мужество, то до сихъ поръ Курмангалей со всѣмъ своимъ сбродомъ былъ бы у насъ на арканѣ. Сшупай къ дружинѣ, охраняющей нашего Хана, и бреги здравіе его яко зѣницу швоего ока, а я усремлюсь съ конницею на рашь вражескую.

Онъ далъ знакъ. Опчаянный визгъ шрубъ и громъ бубновъ поколебали окрешности. Всадники двинулись впередъ, а я — со знаменемъ Волчьяго хвоста, обратился вспяшь къ спану Ханскому.

Г Л А В А 15 я.

О б р а з у м и л с я .

Придворные господа и духовенство поздравляли меня съ оказанною въ виду обоихъ воинствъ непомѣрною храбростію. Когда я съ улыбкою самосознанія своего достоинства на обѣ стороны раскланивался, подъѣхалъ ко мнѣ Великій Муфшій Шамагуль, и сказала важнымъ голосомъ: мужеспвенный Кайшукъ, слѣдуй за мною! я опкрою тебѣ пуши горнаго провидѣнія, и повѣдаю способы, какими можешь ты учинишься полезнѣйшимъ смерпнымъ для всего владѣнія. Великій пророкъ благоволилъ опкрыть мнѣ въ прошедшую ночь книгу судебъ, кошую я прочелъ и уразумѣлъ; но удалимся опсюда!

Все насъ окружавшее, изъ почтенія къ божеспвенному Муфшію, удостоившемуся видѣть и чипать книгу судебъ, раздвинулось и далѣ

дорогу, кошорою мы спокойно про-
 ѣхали до конца обоза, а вскорѣ
 оспались одни въ маленькомъ лѣс-
 ку пополевомъ. Муѣшій съ важно-
 стію вѣщаль: любезнѣйшій Князь!
 и не чишая книги судебъ, и не
 видя видѣній, можно, съ помо-
 щію одной полипики, догадашься,
 что поприще швоихъ воинскихъ
 подвиговъ должно окончиться; а
 съ какимъ успѣхомъ — это зависишь
 опъ шебя самага. Не думай, что-
 бы окончаніе сей войны, самое да-
 же счастливѣйшее, могло шебъ
 принести что нибудь, кромъ смер-
 ши подъ палочными ударами. Поли-
 шическое посольство швое оп-
 кроется, и тогда и побѣдители и
 побѣжденные взыщуть опъ шебя
 пролишую кровь и друзей и срод-
 никовъ. — Да и чего ожидашь опъ
 Самсупдина: клянусь что не болѣе,
 какъ и опъ Кабардинскаго Князя
 Гирея! Но благодареніе небе-
 самъ! вся разность состоишь
 въ томъ, что ты былъ прежде
 нищъ, нагъ, безоруженъ, безъ дру-

зей, безъ защиты, безъ опечесшва, а шеперь — ты имѣешь хоя одного друга, но друга богатаго, сильнаго, могущаго служишь тебѣ опорю. И такъ вошь возьми сей мой перспень, на коемъ начерпано великое имя мое вокругъ герба Муфшѣва, представляющаго крылашаго скорпиона съ двумя клешнями, изъ коихъ въ одной держишь онъ алкоранъ, а въ другой мечъ, готовый поразитъ недовѣрчивыхъ. Кому ни покажешь ты сіе священное изображеніе, всякой долженъ смиришья предъ побою, какъ исполнишелемъ воли Великаго Муфшия.

— Съ симъ перспнемъ и знаменемъ Волчьяго хвосша спѣши ты въ Аспраханъ, сколько достанешъ въ тебѣ и въ конѣ пвоемъ силы. Приди въ черпоги мои, отвори храмину моихъ сокровищъ, навьючь ими нѣсколько ословъ, и вручивъ ихъ Московскимъ невольникамъ Фомѣ и Косъмъ, а женамъ и прочимъ невольникамъ приказавъ ожидашь меня вслѣдъ за побою,

спѣши въ Моздокъ къ любезной
пвоей Княжнѣ Сафирѣ и храброму
Сардару Бекшемиру. При видѣ сего
перспня двери Муллы Моздокска-
го для тебя опверсны, и шамъ-
по ты жди меня. Какъ бы ни
кончилось военное время, я ниче-
го не спрашусь, и — хошя бы Сам-
еушдинъ со всѣмъ Дворомъ его умо-
рены были голодною смерцію,
Мушій вездѣ и всегда ешь особа
священная, неприкосновенная. Ско-
ро ты увидишь и меня въ пвое-
мъ убѣжищѣ, и шамъ совокупны-
ми силами поразсудимъ, чшо ве-
лишь намъ предпріять любовь къ
опечеству и милой свободѣ, шо
есть: чшо присудишь намъ поли-
тика! Но чшобы ты не имѣлъ
препяшсшвія въ побѣгѣ опъ подоб-
ныхъ тебѣ бѣглецовъ, ибо и кон-
ница наша едва ли спойче пѣхо-
шы, шо я беру на себя продлишь
время въ полезной неизвѣсности,
и непременно, если не самъ собою,
шо силою пророка — подниму про-
изводсшво переговоровъ, сполько

обыкновенныхъ при мѣлкихъ Дворахъ Европейскихъ, которые не хощахъ смирихся явно предъ сильнѣйшими, и лучше соглашахся цѣловать у Начальнаго шуфли, угощахъ его чѣмъ Богъ послалъ и плашихъ половину своихъ доходовъ, чѣмъ явно поцѣловать у него руку, назвахъ своимъ отцемъ и покровителемъ, и, въ случаѣ нужды, поддерживахъ спремя, когда топъ садихся на коня своего. Не знаю право, какъ назвахъ сію полихику, но, кажется, что она не очень разумна.

Просияхъ съ любезнымъ, благодѣтельнымъ другомъ моимъ Шамагуломъ, пришпорилъ добраго коня своего и пустихся по пуши къ Аспрахани. Меня занимала безпресанно радосшная мысль, что съ каждымъ шагомъ спановлюхъ ближе и ближе къ незабвенной любовницѣ своей, и — сполько же незабвенному отечесству, а пошому сильнѣе и сильнѣе кололь бока коню своему, и высхавя впередъ зна-

ми, шатался по полямъ, лугамъ и долинамъ.

Сколько воображеніе мое довольно было цвѣтами своей собственной работы, столько успешившая часть самого меня была въ смущеніи и уныніи. До самаго заката солнечнаго продолжалъ я путь свой не встрѣчая и даже не видя вдали не только человѣческаго подобія, но ниже чего нибудь дышущаго и двигающагося, исключая пресмыкающихся по землѣ животноныхъ и рѣзвющихся въ воздухѣ насекомыхъ. Но пусть бы такая пустоша господствовала въ поляхъ и лѣсахъ, а то я равно находилъ проѣзжая и улусы. Солнце наконецъ сокрылось, шуманъ началъ подниматься и густѣвшъ въ воздухѣ, холодная роса пала на меня съ изобиліемъ и разлила дрожь въ испощавшемъ моемъ желудкѣ. Присматриваясь къ предметамъ, я распозналъ, что стою въ кругу нѣсколькихъ низменныхъ хижинъ, и рѣшился на самое лучшее, на что

только въ погодашнемъ положеніи могъ рѣшиться: я слѣзъ съ коня, и привязавъ его на арканъ къ ближайшему пню, пустилъ пипаться, чѣмъ можешъ, на песчаной почвѣ, — самъ же, ни мало не задумываясь, вошелъ въ хижину, и ощупавъ нѣчто такое, на чемъ сидѣть можно, разсѣлся и на досугъ проклиналъ свою недогадливость, что при послѣднемъ совѣщаніи съ моимъ другомъ, я запасалъ только душу свою ласкными его обѣщаніями, забывъ совсѣмъ о запасахъ шѣлесныхъ. Но и то правда, могъ ли я думать, что вмѣсто жилыхъ мѣстъ, поѣду пустынею.

Изъ сего разсужденія былъ я извлеченъ сперва опдаленнымъ шумомъ, потомъ явственнo опличилъ, что виновниками его были люди, наконецъ услышалъ радостный вопль и крикъ, и увидѣлъ въ окно движущіеся пуки зажженныхъ лучинъ, и въ облакахъ дыма мелькающія привидѣнія, покрытыя рубищами. — Прежде нежели успѣлъ

я опомнишься, въ избу мою вошли также съ лучинами два Ташарина. Они были до половины шѣла покрышы лахмопьями, имѣли синежелшья лица, и совершенно походили на ночныя спрашилища.

Нѣсколько времени смопрѣли мы другъ на друга дико и приспально; наконецъ я, вооружась мужешвомъ, швердымъ голосомъ произнесъ: Если вы какія - либо адскія мечшанія, посланныя Кукамомъ успрашить меня, шакъ знайте, что онъ обманулся. Вѣрный поклонникъ благодѣшельнаго Макука не боишя никакихъ козней рабовъ Кукамовыхъ, да и на самаго владыку ихъ плюешъ! Если же вы хищные разбойники, то взгляните и шрепещите: видишели эшо копье булашное и сей мечъ кладенець? Клянусь памяшью храбраго опца моего — съ сими двумя моими пріяшелями я и сошни васъ не спрушу! Теперъ скажите, кто вы и чего опъ меня хошите?

Тогда старшій Ташаринъ отвѣчалъ мнѣ: ты что-то упоминалъ объ адскихъ спрашилищахъ! О! когда бы мы были ими! Кучами бы напали на проклятое воинство ваше и передушили бы всѣхъ съ безумнымъ повелишелемъ, копорый или не знаешь, или знашь не хочешь бѣдсвѣй, какія причинили намъ разбойническія полпы его, коихъ онъ именуешь воинами, защитниками опечества! Хороши защитники: все, — гдѣ только могла ступишь злодѣйская нога ихъ, — все опустошено, испровержено; все, къ чему могла коснуться хищная рука ихъ, все опняшо до послѣдняго куска хлѣба, до послѣдней нишки. О! самая милующая справедливость шребуешь, чтобы и мы — по силѣ и возможности, — за зло плащили шѣмъ же. Ты одинъ изъ воиновъ Самсупдиновыхъ, слѣдовательно одинъ изъ числа нашихъ злодѣевъ, губишелей, и долженъ, хотя на нѣсколько времени, опвѣдать, каково шеперешнее положение

іе наше, которое вѣроятно не скоро окончится. И такъ слушай: свобода твоя останется при тебѣ, и ни одинъ волосъ не вырванъ будетъ изъ усовъ твоихъ. Но ты — оставя здѣсь свое копье и саблю — выходи къ намъ. Товарищъ мой, провозгласникъ ближней деревенской мечети, нынѣ вами также не пощажженный, превосходно ржешь по ослиному. Какъ скоро ты услышишь при его возгласа и не выдешь къ намъ безъ вооруженія, то хижина сія будетъ заперта крѣпко и вмигъ обращена въ пепель.

Сказавъ сіи слова, они удалились.

Г Л А В А 16я.

М а к у к ъ.

И не будучи великимъ полищикомъ, могъ бы я легко догадаться, что сіи раззоренные, огорченные поселяне хопяшь на мой счетъ

повеселишься и на мнѣ вымѣспишь обиды, причиненныя имъ наглостію нашего воинства. Взглянувъ на свое копье и свой мечъ, я почувствовалъ неодолимое мужество, и принялъ отважное намѣреніе не уступать насилію. Едва хопъль я вырвался изъ хижины, какъ роковой голосъ проревѣлъ; я вздрогнулъ, и невольно опспунилъ опъ дверей. — Копье будешь мнѣ помѣхою, говорилъ я, и положилъ его укромно въ углу подлѣ знамени Волчьяго хвоста. Гораздо удобнѣе поражашъ супоспашовъ саблею, какъ намѣревался сдѣлать мой Казанскій прошивоборець! Съ сими словами обнаживъ саблю, бодро подошелъ къ дверямъ, какъ ужасный голосъ проржалъ вшорично. Неизвѣстная сила опять меня опшолкнула, и въ головѣ моей просіяла мысль: куда и какъ усспремлюсь я на поражение? — Глубокая ночь — первое прецпашствіе, а вшорое — мнѣ не извѣстно ни число, ни расположеніе непріятелей. Не лучшели, не сог-

ласнѣ ли съ мудрою полишикою
будешь. . . .

Тутъ шрепичный ослиный
визгъ прерваль мои разсужденія.
Брося въ уголь послѣднее свое
оружіе и взявъ въ рошъ Шамагу-
ловъ перспень, на кошорый была
вся моя надежда, опромешью бро-
сился къ дверямъ, и какъ спрѣла
вылешѣль изъ хижины. — Ожидав-
шіе меня проливники, не видя при
мнѣ никакого вооруженія, подняли
радоспный вопль, окружили меня,
подхвашили подъ руки, и помчали
къ горящему коспру дровъ. Спа-
рѣйшина, въ коемъ узналъ я Мамея,
сказаль съ улыбкою: Спасибо тебѣ,
храбрый вишязь, что пожаловаль
сюда кшапи, а иначе мы долж-
ны бы ожидашь упра съ пустыми
желудками. Смотри—на верпелахъ
нашихъ жаряпся части швоего доб-
раго иноходца, и ужинъ нашъ на-
градишь пошерю объда. Но какъ
вы, чеспные зацпшники опече-
сшва, проходя на войну, ничего
намъ не оставили, шо не осуди,

что и ты опъ насъ опправишья
въ пушь свой также съ немногимъ!

Онъ даль знакъ. Человѣкъ съ
десятью на меня бросились, и не
успѣлъ я мигнуть, какъ сдѣлася
почно въ томъ же видѣ, въ какомъ
вышелъ изъ упробы моей мащери.
Безбожники подняли ужасный хо-
хотъ, и свистя надъ плечами мо-
ими жидкими прутьями, увѣщевали
идти любою дорогою. Я побрѣлъ
куда шацили ноги, и долго слы-
шалъ вслѣдъ себя радостныя ихъ
завыванія.

Густая, непроницаемая шма
окружала меня. Ночный весенній
холодъ проникъ до костей шло
мое. Одно шолько положеніе, въ
какомъ я находился, увѣрясь нѣког-
да въ пошеряніи Княжешва и не-
вѣсны, могло равняшья съ настпо-
лицимъ горестнымъ положеніемъ.
Я дрожалъ въ каждомъ сославѣ, и
переводя дыханіе, невольнымъ об-
разомъ произносилъ шоны. — О
звѣронравный Кукамъ! говорилъ я,
спошыкаясь на каждомъ шагѣ: ви-

жу, что злоба своя непримирима, и что я несчастный, некогда Свѣтлѣйшій Князь и Первосвященникъ, осужденъ шобою, какъ послѣдній нищій, умереть опъ голоду и холоду! — Споткнувшись на день, я полетѣлъ черезъ него въ рышви-ну, и чувствую вокругъ себя густую праву, началъ щипать ее и складывать въ одно мѣсто. Нашаскавши сполько, что могъ весь въ нее спряпаться, я причель сѣ къ послѣдней благоспи ко мнѣ Макука, съѣжился и въ скоромъ времени заснулъ сномъ глубокимъ.

Лучи взошедшаго солнца и пѣніе жаворонковъ меня разбудили. Я увидѣлъ, что лежу не далеко большой дороги. Взглянувъ на сзмага себя, я не зналъ, что мнѣ и дѣлать. Не говоря уже о мучившемъ меня голодѣ, я очень видѣлъ, что горестное положеніе мое не иначе перемѣнишься можешь, какъ съ помощію людей; а какъ я въ шакомъ прародительскомъ видѣ кому-либо осмѣлюсь показаться?

Размысля о семь хорошенько, я нашель способъ сдѣлать себѣ нѣкоторое украшеніе. Ссучивъ веревку изъ шравы, я опушалъ себя ею опъ груди до лядвій, и въ семь нарядѣ не боялся уже показашься какому-либо жалоспливому Тапарину. — Доволенъ будучи нарядомъ, началъ я помышляшь объ уполеніи голода. Нашедъ не вдалекѣ опъ своего логовища дикій хрѣнь, я, съ помощію сухихъ прущевъ, опрыль его нѣсколько, опковыривалъ шѣми же орудіями по часпямъ, и шѣмъ началъ насыщашься, хошя правда не съ шѣмъ вкусомъ, съ какимъ нѣкогда на горахъ своихъ шешлыдкомъ, запиваемымъ просяною водою.

Г Л А В А 17я.

Товарищъ въ пути.

Хошя сіе кушанье и дало нѣкоторую работу желудку, однако весьма мало укрѣпило изнуренныя

силы мои, и пошому - по шествиѣ мое было медленно, печально и ни мало не сошвѣшпшовало моему нешерпѣнію. — Въ самый полдень, когда я задумчиво брель по дорогѣ и грызъ хрѣновой запасъ свой, я услышалъ позади себя лошадиный шопощъ. Оглянувшись, я увидѣлъ всадника, скакавшаго во всю конскую прышь, а вдали за нимъ гнавшуюся кучу народа, кошорая, вѣрояшно пошерьвъ надежду догнашь его, ошановилась, и всадникъ, сіе примѣшпвшій, поѣхалъ шагомъ. — Прокляшые разбойники! вопіалъ онъ: осмѣлились напасшь на воина, кошорый не разъ поражалъ цѣлыя стаи неприяшелей! Умно сдѣлали, что переспали гнашься, а по бы досшалось вамъ добрымъ порядкомъ. Въ жизнь свою никакому обидчику спуску не сдѣлаю!

По наружности и по голосу въ семъ храбромъ пушешешвенникѣ узналъ я Насыря, сошоварища моего въ чиноначальствѣ надъ

храброю дружиною подъ знаменемъ Волчьяго хвоста! —

Любезный другъ! вскричалъ я: остановись на минушу и познай во мнѣ несчастнаго Кайшука, который. . . . Какъ! воззвалъ Насырь: не ужели въ тебѣ вижу того могущественнаго вишязя, который съ шакою ловкою спію уклонился опъ копья Казанскаго забіяки? Такъ! это храбрый, отважный Кайшукъ! Но какая неприязненная сила шакъ тебя преобразила? или ты намѣренъ посвятить себя въ благочеспивые Факиры?

Когда я опкровенно объяснилъ ему о несчастіи, меня постигшемъ, то онъ изъяснилъ искреннее сожаленіе и хотѣлъ продолжать пушь. — Не мало подивился я шакому дружелюбію, и спавъ передъ его лошадыю, сказалъ: умилосердись, для Аллы! благочеспивый Мусульманинъ, и окажи мнѣ возможную помощь! — Какую помощь хочешь ты имѣть опъ военнаго челоуѣка въ походѣ? возразилъ Насырь, и

кольнулъ спремьями коня. — Опдай мнѣ свою бурку, вскричалъ я, удерживая лошадь, а я, по прибытіи въ Аспраханъ, подарю тебѣ сотню добрыхъ юзлуковъ! — А гдѣ ты возьмешь ихъ? развѣ надѣнешься украсишь дорогою? — Никакъ отвѣчалъ я: ты знаешь — можешь бышь — что Великій Муфшій Шамагулъ крайній мнѣ другъ, а Муфшій убоги не бывающъ! — То правда, сказалъ Насыръ, что они обыкновенно весьма не убоги, но только весьма бережливы! Скорѣе что нибудь выманишь у Жида, чѣмъ у просмага Имана, не только у Муфшія!

Хотя и съ великимъ трудомъ, однакожъ наконецъ мнѣ удалось увѣришь его въ дѣйствительности моей надежды на щедрость Муфшія Шамагула. Я могъ бы сдѣлать сіе весьма удобно, ибо стоило только показати перстень, но я побоялся, чтобы не доспалось храброму воину то, что я сберегъ отъ неисповыхъ поселянъ, и въ чемъ за-

ключались всѣ виды будущаго моего счастія.

Въ силу нашего условія облачился я въ бурку, съѣлъ сзади Насыра на лошадь, и съ величайшимъ вкусомъ грызъ данную мнѣ корку хлѣба. — Чшобы довершишь свое благодареніе, то Насыръ обязался кормить меня на свой счетъ, и какъ скоро подѣдемъ къ Аспрахани, то одѣшь пристойно на свои деньги, шолько бы я обязался кляшвенно, чшо устою въ своемъ словѣ, и сверхъ денегъ, какія на меня испрачены будутъ, подарю обѣщанные спо юзлуковъ. — По желанію его клялся я бородою пророка Магомеша, и онъ былъ доволенъ. Хошя мы въ деревняхъ, попадавшихся намъ на дорогъ, почши ничего не находили, кромъ худаго хлѣба и луку, но и за шо приносили искреннее благодареніе Алль и Макуку.

На прешій день нашего путешествія, когда солнце перешло уже за половину пуши своего, увидѣли

мы крѣпкія спѣны и высокія башни Аспраханскія. При воображеніи объ юзлукахъ Муѣшіевыхъ, сердце забилось отъ радости, неперпѣніе мое овладѣшь скорѣе ими возраспало съ каждымъ шагомъ, и я напомнимъ безкорыспному другу своему Насыру объ его обѣщаніи одѣшь меня благоприспойно, дабы не привеспи въ соблазнъ спыдливыхъ Аспраханокъ.

Насырь сдержалъ слово — попребовавъ оспяшь кляшвы въ вѣрности моего обѣщанія, и самыми малолюдными улицами привезъ меня къ лавкѣ знакомаго ему Жида, шоргующаго гошовымъ одѣяніемъ, и когда сей пришелъ въ примѣшное изумленіе, глядя на мое убранство, шо Насырь повѣдалъ, что я одинъ изъ бывшихъ вождей грознаго воинства, кошорое почемушо не захотѣло сражашься, разбѣжалось и заспавило насъ возвращашься во свояси, гдѣ на дорогѣ имѣлъ я несчастіе бышь ограблен-

нымъ возмушительными поселянами.

Когда я выбралъ и надѣлъ на себя щеголевашое плашье, прицѣпилъ саблю и зашкнулъ за поясъ кинжалъ, то уже день началъ клониться къ вечеру; а пошому разсудивъ, что къ ночи неприлично начашъ распоряженіе деньгами Мушїя, опсправились мы съ Насыромъ въ лучшую Аспраханскую гостинницу, гдѣ онъ обѣщаль въ послѣдній разъ угосишь меня на свои деньги.

Сердце не рѣдко бываетъ вѣщунъ для человѣка. — Давно уже не оставлялъ я своей поспели съ пакою легкостію въ шѣль и спокойствїя въ духѣ, какъ въ слѣдующее ушро. Вышедъ на улицу, мы увидѣли шолны веселящагося народа обо его пола и разнаго возраста, бѣгавшаго шуда и сюда, подобно овцамъ и баранамъ, когда они изъ зимнихъ хлѣвовъ своихъ въ первый разъ по насшупленїи весны выпущены бывають на лугъ зеленый.—

Часть IV.

К.

Что? спрашивалъ одинъ у другаго: Да! отвѣчалъ сей, и оба хлопая себя радостно по брюхамъ, вскрикивали: ага! — Это не даровое! сказалъ я Насыру, который и самъ не зная причины сей всеобщей радости земляковъ своихъ, глядя на нихъ, началъ скалить зубы, и идучи подпрыгивать. Спросимъ-ка у сихъ весельчаковъ о винѣ ихъ восшорга!

— Какъ? отвѣчалъ намъ Тапашинъ, у коего мы о семъ осведомлялись: и вы Аспраханцы, а не знаете, что храброе наше воинство одержало знаменищую надъ Казанцами побѣду? О! дорого заплашили они за свое неразуміе, что осмѣлились восстать прошиву нашихъ!

Я намѣревался воскликнуть ошъ радостнаго, непримворнаго удивленія, какъ будто и я участвовалъ въ сей побѣдѣ, какъ равнодушный, спокойный видъ Насыра ошпановилъ меня, и я вновь на-

чалъ дивисься его холодноспи въ шакомъ случаѣ.

— Только? воззвалъ онъ, поправляя одною рукою красный на головѣ колпакъ, а другою разглаживая усы; а я думалъ было чтонибудь другое! — Да! продолжалъ онъ улыбаясь: дѣло было завяжчиво, и еслибъ шолько я не подошлъ съ своимъ опрядомъ, шо едва ли велельпный нашъ Самсудинъ удержался бы на своемъ верблюдѣ. — Какъ? что? раздались голоса со всѣхъ споронъ, — и шы былъ шамъ? — И очень былъ къ несчастію Казанцевъ. О! они никогда не за будущъ одного изъ вождей воинства подъ знаменемъ Волчьяго хвоста, не забудушъ Насыра, сына Мусахадзинова!

Народъ болѣе и болѣе началъ окружашъ насъ и заглушашъ вопросами. По знакамъ моего храбраго поварища въ бипвахъ догадавшись, чего ему хотѣлось, я началъ ложь его подкрѣпляшъ своими прикрасами, и привель всѣхъ любо-

пышныхъ и его самого въ удивленіе. — Такъ! вопіялъ я: жеспокую войну сію увѣнчалъ всеблагій Алла блисшательною для насъ побѣдою! О еслибъ вы тамъ были, Аспраханцы! если бы видѣли, какъ мы раповали! Какъ ни высокъ верблюдь Ханскій, а по самое брюхо бродилъ въ крови вражеской. — Курмангалей — сшарый забіака — съ задорною дочерью своею Юмангулою — попались въ плѣнь; и — сей другъ мой, — былъ пошъ храбрець, копорый подкосилъ ноги Ханской лошади, и, самого повелишеля схваши за бороду, опдалъ подъ сшражу!

— Ура! возгласилъ народъ: за шакія радосшныя вѣспи, вы оба сшобіште, чшобы цѣлые шри дни на обшцій нашъ сшетъ веселишья. Пойдемъ въ госпинницу!

Почшанный вишязъ Насырь безпрекословно склонилъ на угощеніе своихъ доброхошовъ, и дозволить весши себя на пиршештво, лгалъ и хвасшалъ часъ опъ часу

болѣе; но какъ я въ мысляхъ занявъ былъ прелестною Княжною Сафиною и доброшою юзлуковъ Муфшѣвыхъ, по весьма учтиво опкло-нилъ опъ себя предложеніе восхищенныхъ Аспраханцевъ, оставляя долю свою военному товарищу. Я далъ честное слово найши его въ гостинницѣ, какъ скоро исправлю свои нужды.

Шамагуль говорилъ правду, рассказывая о могущесствѣ своего першня. Какъ скоро я показаль сію вещицу въ его домъ управителю, и заговориль — для большей силы и важности — охриплымъ голосомъ, по и невольники и невольницы преклонили свои головы и ожидали со смиреніемъ повелѣній. Призвавъ Фому и Козьму, Московскихъ выходцевъ, я приказаль оппереть кладовую Муфшія и говишься въ дорогу, послѣ чего общана имъ свобода и каждому горсть серебра. — Эшо все прекрасно, опвѣчали они въ одинъ голосъ;

но къ несчастію нашему неизбѣжному, мы сего дня не можемъ воспользоваться даруемыми опъ шебя милостями! — А почему? — Пошому, что сего дня шакой великій праздникъ, что и ласпочка гнѣзда себѣ не вьешъ, а именно: сего дня двадцать пятое число мѣсяца Барана!

Подобно свѣшлому лучу солнечному, пробившемуся сквозь густыя вѣшви кустарниковъ, и освѣшившему мрачную пещеру, — слова Московшянъ озарили душу мою, и я какъ будшо очутился въ новомъ, цвѣшущемъ, прелестномъ мѣрѣ, — я вспомнилъ, что сей день, ешъ день моего рожденія, и мой Черный ужасный Годъ — миновался. О благодѣшельный Макукъ! приношу шебѣ благодарность души и сердца моего! Безподобная Княжна Сафира! не смошря, что въ сей день ласпочки не вьюпъ гнѣздъ своихъ, я принузу Московскихъ упрямцовъ навьючишь ословъ

юзлуками, и поспѣшу къ своей несравненной невѣстѣ.

Г Л А В А 18я.

Пріятная дорога.

Восхищенъ будучи новымъ состояніемъ бышя моего, я почувствовалъ, что душа моя и шѣло получили новыя силы, и шакъ сказашъ — расцвѣли вмѣстѣ съ весною. Мнѣ казалось, что я никогда не оставлялъ своего Княжества, никогда не былъ стоняемъ съ козелъ опцовъ моихъ, никогда не лишался Княжны Сафиры! Въ одно мгновеніе, ошъ двухъ словъ, по коимъ увѣрился я, что власшь неба принимаетъ меня опяшь подъ божественный покровъ свой, я сдѣлался сполько же храбръ, какъ нѣкогда посвящая въ Кавалеры ордена нагайки, и гошоваясь на бшву съ Княземъ Кунакомъ.

— Какъ? воззвалъ я грозно къ невольникамъ: вы дерзаете ослушашъ-

ся повелѣній того, у кого увидите на пальцѣ перстень Муѣшія? что же намѣревались вы дѣлать? — Увы! отвѣчалъ печально Фома: по правовѣрному закону намъ слѣдовало бы сей великій день — ничего не дѣлать — провести въ ѣдѣ, въ пишьѣ и въ спаньѣ!

Видя простоту сихъ людей, я прибѣгнулъ къ полишикѣ, и сказалъ ласково: Вижу, что вы честные парни и крѣпко держитесь, будучи даже въ плѣну — свяпыхъ правилъ вашего закона! Я полишикѣ и ничьяго исповѣданія не осуждаю. И такъ, чтобы помирить васъ съ совѣстію, я приказываю слѣдующее: приведите изъ конюшни къ крыльцу нашего дома пару добрыхъ ословъ со всѣми вьюками. Положите на нихъ всю шягоспъ, какую назначу, а послѣ, принявъ отъ меня обѣщанное серебро, купите бараній шулукъ хорошаго вина. Какъ скоро, по дорогѣ къ Моздоку, выпустимъ мы

Аспраханъ изъ виду, по располо-
жимся къ опдыху, гдѣ полюбишь,
и я даю вамъ полную волю испол-
няяшь заповѣдь своего закона.

Такое снисхожденіе обрадо-
вало ихъ несказанно. Въ одинъ мигъ
приведены были къ дверямъ два
осла и одинъ конь. Зная, что вся-
кое замедленіе можешь обратишь-
ся для меня въ невозвратимый
вредъ, принялся я нагружать спи-
ны ослиныя мѣшками юзлуковъ и
слишками золоша. Видя, что ослы
опъ чувствуемой тяжести пропя-
нули шеи, я останоуился; раздѣ-
лилъ прочимъ невольникамъ по цѣ-
лой горсти серебра, приказалъ имъ
съ подобающимъ смиренномудріемъ
ожидать съ бисвы своего власше-
лина, запечаташь опяшь кладовую,
и положи на своего коня нѣсколь-
ко лучшаго плашья и оружія, взмо-
стился къ нему на хребетъ, и имѣя
по правую руку Фому, а по лѣвую
Козьму, ведущихъ по ослу, остано-
вилъ домъ Муѣшія, а вскорѣ и

Аспраханскія спѣны, не забывъ, для сдержанія своего слова, одного изъ слугъ Шамагуловыхъ съ мѣшкомъ юзлуковъ отправишь въ извѣстную гостинницу для врученія ихъ прозорливому Насыру.

Когда мы на нѣсколько спадій опѣхали опѣ ворошь Аспраханскихъ, то набожные сопутники мои, не забывшіе, проходя главную площадь столицы, запасшись обширною кисою со съспными припасами и бараньимъ пулукомъ, — начали на каждомъ шагу оглядываться назадъ, и когда я спросилъ о причинѣ шаковой ихъavoroplivosпи, они безъ запинки опвѣчали, что уже ни мало не видящъ спѣнъ Аспраханскихъ, а пошому думаютъ, что пора принящся за богоугодное дѣло, то ещъ, за ѣду и пищье. — Увѣривъ ихъ, что имѣю самое орлиное зрѣніе, и что спѣны города и минарешы у меня какъ на ладони, я принудилъ ихъ пройши еще нѣсколько спадій, и нашедъ мѣсто,

усѣянное весенними цвѣтами, окруженное зелеными кустарниками, мы оспановились.

Слуги мои, ощущавшіе скорую свободу, а припомъ видя во мнѣ ласковаго власшелина, обращавшагося съ ними какъ старшій брашъ съ младшими, были проворны, усердны и веселы. Они пустили коня и ословъ на свѣжую, шучную зелень, разосплали на правѣ коверъ и начали угощать меня и другъ друга. Такое пиршество мнѣ весьма нравилось, и я, за всякимъ глоткомъ вина, приносилъ благодареніе Макуку за сохраненіе меня во весь прошекшій Черный Годъ мой.

Когда сопутники мои исполнили двѣ прещи своей заповѣди, ш. е. сдѣлались сыши и пьяны, и намѣревались исполнить послѣднюю прещь оной — предаться сну, — шо я увѣщевалъ ихъ бышь чупкими и оспорожными, а въ случаѣ нужды — и храбрыми. Послѣ сего и я, разлегшись на ослиныхъ

вьюкахъ , започиваль сномъ крѣпкимъ.

Правду говорили пророки всѣхъ земель , что когда поидеть человѣку на зло , то все , хоть мудри , хоть не мудри , обратишься для него въ бѣду и горесть ; когда же судьба обратишься къ нему съ улыбкою , то непрерывно счастье все успроишь ему во благое , и хотя бы онъ съ намѣреніемъ бросилъ дорогой свой персень въ рѣку , то щука поймаешь шопъ персень , рыбаки поймають щуку и подаряшь именно ему , а онъ , прошивъ воли , найдеть свою потерю.

Такъ и со мною. Опъ Аспрахани до самага Моздока , въ печеніе двухъ десятидневій , все шло для меня весьма счастливо. Погода съ каждымъ днемъ спановилась благорасствореніе , небо яснѣе , душа моя покойнѣе , радостнѣе. Не только не произошло съ нами ничего печальнаго , но даже ни одинъ изъ ословъ не спотыкнулся ; а всѣмъ ,

вспрѣчавшимся намъ на дорогѣ я объявлялъ себя ближнимъ придворнымъ чиновникомъ, возвратившимся съ полей бившы съ немалою добычею. Всѣ меня поздравляли и давали каравану моему дорогу. Невольники во все время орали веселыя Московскія пѣсни, ослы наши, бывъ также не нечувствительны къ сладостному вліянію весны благошворной, раздували ноздри, пощорщили уши и рычали самыми спрашными голосами. При такомъ согласіи радости, покоя и довольства, я самъ предавался сладкому упоенію и мечталъ о своей Сафирѣ, а особливо при вступленіи моемъ въ сѣны Моздокскія, гдѣ я съ своимъ обозомъ останоюсь въ гостинницѣ, шолько не у Жида Еліаса, — бросилъ къ Муллѣ, показавъ персень Муфшіевъ, былъ принявъ оплично благосклонно, и въ скоромъ времени имѣлъ счастье прижасть къ груди своей спрашную Княжну Сафиру и вѣрнаго друга Бекшемира.

Я не могъ насытити своего зрѣнія прелестями любезной. Она сдѣлалась нѣсколько выше; черпы лица ея развились въ цвѣтъ новой красоты; взоры ея сдѣлались помнѣе, но за то нѣжнѣе, обворожительнонѣе. — Въ упоеніи спраспши я рѣшилсѣ на нѣсколько времени позабытъ благодѣтеля своего Макука, и умолялъ Княжну не опкладывать долѣе минушы моего блаженства, а дозволишь Моздокскому Муллѣ соединити насъ по закону Магометову сладостными узамы брака, представляя кляпвенно, что дальнѣйшее ожиданіе если не лишити меня жизни, то навѣрное повредити мой разумокъ. — Разумная Княжна представила съ своей стороны, что когда я сохранилъ и жизнь и разумокъ въ печеніе почти цѣлаго года разлуки съ нею, то по всей вѣроятности не упрачу ни той, ни другога въ нѣсколько десятидневій, имѣя ее всегда въ глазахъ, и бывъ увѣренъ въ неизмѣнной любви ея.

Важный Бекшемиръ нашель пакія рѣчи Княжны испинно полипичными, и мнѣ ничего не оспавалось, какъ вооружишься шерпѣнїемъ.

Спуспя семь дней послѣ нашего прибышїя, къ общему удовольствїю явился Муфшїй Шамагуль, сопровождаемый десяшками ппяшью Ташарь, по наружности во всемъ походившихъ на шѣхъ, кои были въ походѣ подѣ знаменемъ Волчьяго хвоста, и съ чешырьмя ослами, кои не хуже моихъ навьючены были. — Послѣ взаимныхъ привѣшпвїй, обниманїй, восшорговъ, Муфшїй, повѣдалъ, что онъ назначенъ Чрезвычайнымъ Посломъ къ Кабардинскому Князю Гирею. Какъ скоро я далъ ему на замѣчанїе, что свшпа его ни мало не похожа на Посольскую, то онъ ошвѣчалъ: правда, всѣ они въ плашьѣ и обуви малымъ чѣмъ опличны опѣ нищихъ, но за то всѣ прехрабрые вишязи.

Муфшїй былъ шакъ шоропливъ, что мы въ шощѣ же день всѣ вмѣ-

спѣ оставили Моздокъ, переправились черезъ Терекъ и по берегу его пустились къ спранъ Кабардинской. Муфшій Шамагуль, Сардаръ Бекшемиръ, я и Сафира сидѣли на добрыхъ коняхъ Горскихъ; позади насъ ведены были наши ослы, а шествіе заключали пѣшіе Тапшары, гнавшіе до полудюжины быковъ и до пятнадцати барановъ; Московскіе же невольники, еще въ Моздокъ бывъ снабжены оппускными видами и доспапочнымъ количествомъ денегъ, посланы въ опечесво. Тщешно я приставалъ къ Муфшію съ вопросами объ участи Самсудина и его Ханшва, о вѣнъ Посольсшва и о наспоющихся его мысляхъ о будущей судьбѣ нашей. Онъ довольсшвовался однимъ опвѣшомъ: какъ скоро минуемъ землю Кабардинскую, ибо я опправляюсь къ Князю Гирею Посломъ не опъ имени Хана Самсудина, а опъ Свъшлѣйшаго Князя Кайпука, тогда все опьяснисся, и тогда всѣ горы Кавказскія узнають о

моихъ подвигахъ, и въ одинъ го-
лосъ возопіюшъ: Князь Кайшукъ
есль единственнѣйшій Князь на косо-
горахъ нашихъ, а бывший Визирь
его Шамагуль есль первый поли-
тикъ ошъ Сѣвера къ Югу, и ошъ
Воспока къ Западу!

Г Л А В А * 19 я.

Новые подданные.

Въ продолженіе дороги нашей
до Великой Кабарды мы всѣ были
веселы и довольны, и если что
иногда и заспавляло меня задумы-
вашься, такъ одни шаинственныя
посупки Визиря — Муфсія Ша-
магула; однако же и шупь, смопря
на вдущую подлѣ меня милую Са-
фиру и видя вѣрноподданническую
преданность ко мнѣ всей свипы
Муфсіевой, я во глубинѣ серд-
ца моего былъ доволенъ въ на-
ешоящемъ, и надѣялся въ будущемъ
быть еще довольнѣе.

Часть IV.

Л

Какъ скоро Великая Кабарда была у насъ въ виду, то Шамагуль, оспановя всю свишу и вельвъ ей окружишь его, вѣщаль: благородные Аспраханцы! когда вы, послѣ роковаго похода Хана вашего прошиву Казанцевъ, изъ прежнихъ бѣдняковъ сдѣлались настоящими нищими, не имѣющими даже опретьевъ, удобныхъ прикрывъ нагошу вашу, не говоря уже о прочихъ недоспашкахъ, я — по вдохновенію пророка — сжалился надъ вами, обѣщаль вамъ покой, довольство и защишу, если вы рѣшишесь слѣдовать за мною въ благословенныя ущелья Кавказскія, и принеси кляшву въ подданнической покорности Свѣплѣйшему Князю Кайшуку и будущимъ высокимъ наслѣдникамъ блистательныхъ козелъ его! — Великій Алла, да будешь вѣчная хвала ему! осѣнилъ души ваши свѣпомъ истиннаго разумѣнія, вы охотно за мною успремились, и шеперь видите уже блисшающія въ различныхъ цвѣ-

шахъ вершины Кавказскія, а посреди себя будущаго своего власпелина. И такъ — согласны ли вы призывашъ теперь же великаго Аллу во свидѣтели, что съ сей минушы, до конца жизни вашей, вашихъ дѣшей и потомковъ, со стороны рода вашего и племени сохранишся вѣрность къ Князю Кайшуку и совершенное повиновеніе всѣмъ ушавамъ, посредственнo или непосредственнo ошъ него издаваемымъ, хопябы они казались вамъ неимѣющими общаго смысла?

— Клянемся за насъ и за потомство наше! возопили Аспраханцы въ одинъ голосъ. — Благочестивый Муфшій слѣзъ съ коня своего, вытащилъ изъ рукава небольшой Алкоранъ, обширный золопою парчею, и когда поднялъ его вверхъ съ возможнымъ благоговѣніемъ и произнесъ завывающимъ голосомъ: Алла Иллаге Илла Алла! шо всѣ Аспраханцы, какъ бы пораженные громомъ, упали на колѣни и преклонили къ землѣ головы. Муфшій

бормоча что-то себѣ подѣ носѣ, приходилъ къ каждому и прикасался краемъ святаго писанія къ ихъ макушамъ. Это составляло торжественный обрядъ присяги. Послѣ сего всѣ встали, съ подобострастіемъ мнѣ поклонились, и я говорилъ имъ рѣчь, кою они были весьма довольны. Шамагуль самъ былъ пронупъ, и у храбраго Воеводы Бекшемира навернулись на глазахъ слезы.

Шамагуль, сѣвши опять на коня, произнесъ: Свѣплѣйшій Князь! я отправлюсь къ Кабардинскому Князю Гирею съ десятью только спутниками и однимъ вьючнымъ осломъ, себѣ же пачѣ нечего дѣлать; а припомъ легко спанешся, что кто нибудь признаетъ въ себѣ по соблазнительное лицо, которое сполько надѣлало шуму. И такъ совѣшую съ сими храбрыми воинами, надъ коими съ сего часа да приметъ верховное начальство Сардаръ Бекшемиръ, стороною обойши Кабарду, и, дер-

жась береговъ Терека, слѣдовавъ до развалинь древняго города, ко- его имени никшо не припомнишь, да и нужды въ помъ не много. Тамъ я найду всѣхъ васъ и дамъ опчешъ въ моемъ Посольствѣ. У шебя въ обозѣ оспаешся еще два быка и до десяшка барановъ, а по- шому, хошя бы я у Князя Гирея промедлиль шрое суюокъ, шо не- доспапку въ пищъ не будешъ. — Послѣ сихъ словъ Шамагуль пово- рошилъ къ Кабардѣ, десяшь Ташар- скихъ пѣшеходовъ съ вьючнымъ ос- ломъ ему сопуществовали. Я же, имѣя по одну спорону прелестную Сафи- ру, а по другую храбраго Сардара, окруженный пѣшими вѣрноподдан- ными, пошянулся берегомъ, и къ закапу солнца оспановился спа- номъ у развалинь упоминаемаго города.

На мѣспѣ семъ дѣйствительно пробыли мы два дня въ ожиданіи своего Посланника. Тупъ - шо уви- дѣль я, что и Аспраханцы не ху- же насъ Горцовъ умѣють гошовишь

шешлыкъ , и не плоше бы пили просяную водку , если бы шолько была она , не смотря на запрещеніе своего пророка . — Въ свободное опъ ѣды и пишья время они забавляли своего власшелина съ его любовницею и другомъ своими плясками , бѣганьемъ и кулачными боями , переняшыми опъ Московшянъ . — Такиимъ образомъ два дня ожиданія провели мы довольно весело , и если я иногда невольно вздыхалъ , шакъ эпо взглядывая шолько на Сафиру , и воображая шо счастье , опъ коего , кажешся , хошя не далекъ уже , но все еще его не достигнулъ .

На шрешіе ушро кочеванья нашего у развалинъ , когда я съ Княжною и Сардаромъ сидя на берегу быспрой рѣки , разсуждали обь ушстройствѣ спарыхъ и новыхъ подданныхъ , сїи послѣдніе подняли внезапно радосшный крикъ . Мы обрашили глаза внизъ по шеченію Терека , и къ несказанной радосши увидѣли вдали развѣвающіеся кон-

скіе хвосты на предлинныхъ шестахъ. Мы сейчасъ догались, что мудрый нашъ Визирь, Муфшій Шамагуль, возвращается по совершеніи Посольства.

Такъ и вышло. Когда предметы сдѣлались ближе и явственнѣе, то мы увидѣли, что Шамагуль ѣхалъ верхомъ, окруженный десяткомъ всадниковъ, кои вели на арканахъ великое множество добрыхъ коней со всею военною сбруею. Позади ихъ шествовало цѣлое стадо быковъ, Ордынскихъ барановъ, козловъ, овецъ и козъ. Ихъ подгоняли Кабардинцы.

Съ восклицаніемъ радости гости сіи къ намъ подъѣхали; съ восклицаніемъ радости и удивленія мы ихъ встрѣшили, а особливо увидя, что всѣ Аспраханцы, сопутствовавшіе Шамагулу въ Посольствѣ, сдѣлались самыми запасными випязями. Когда я, заключивъ Муфшія въ свои обѣщанія, благодарилъ его, не зная шочно за что, онъ сказалъ: Князь! бли-

зокъ конецъ испытаніямъ нашимъ, и скоро мы опять будемъ въ Верховномъ Совѣсѣ швоемъ мудрствовашь, но съ большею прошиву прежняго мудросію, и въ черпогахъ швоихъ веселишся, но съ большимъ прошиву прежняго веселиемъ. Знай: для полишки моей показалось мало, чшобы шолько чшо возвратишся на родину; надобно сдѣлать возвращеніе свое сколько возможно поржешвеннѣе, блишпашельнѣе. Посему я, имѣя изобиліе въ юзлукахъ, не нашель имъ лучшаго упошребленія, какъ явившисъ къ Князю Гирею, ошъ имени швоего пришорговашь сколько можно больше коней, рогашаго и мѣлкаго скоша, какъ для собшпеннаго швоего обзаведенія (ибо вѣрояшно, чшо шеперь какъ въ черпогахъ швоихъ, шакъ и на скошномъ дворѣ голо и пусто), шакъ и для вспоможенія новымъ и смарымъ швоимъ подданнымъ. Всѣхъ бывшихъ со мною Аспраханцевъ одѣль я по Кабардински наилучшимъ об-

разомъ, вооружилъ каждого чего у кого недоставало, и подарилъ по коню. То же самое сдѣлано и для всѣхъ храбрецовъ, здѣсь остававшихся. Все прочее принадлежишь тебѣ, и по возвратѣ въ страну опцевъ своихъ, ты можешь дарить по заслугамъ чѣмъ кого изволишь, и что конечно будетъ для каждого пріятнѣе, ибо полезнѣе, чѣмъ прежде подарокъ ордена нагайки. Ты знаешь, любезный Князь, что мудрая полишка велишь соображаться съ временами и обстоятельствомъ. Имѣя крайнюю нужду въ юзлукахъ, — мы не худо сдѣлали, нашедъ благовидный способъ доспавать ихъ, посвящая волею и неволею въ кавалеры. Теперь же, имѣя въ деньгахъ изобиліе, мы поступимъ лучше, когда кинемъ подобныя зашѣи.

Послѣ словъ сихъ онъ меня оставилъ и занялся переоблаченіемъ и вооруженіемъ бывшихъ при мнѣ Ташаръ, и припомъ такъ дѣяшельно, что прежде нежели солнце кос-

нулось средней почки своего печенія, я увидѣлъ предъ собою цѣлое ополченіе изъ пятидесяти чело-вѣкъ, сидящихъ на лучшихъ коняхъ, въ наилучшемъ Кабардинскомъ одѣяніи, съ досшачочнымъ вооруженіемъ. Тогда показалось мнѣ, что съ такими вишязями не усумнюсь сразиться съ самымъ Княземъ Казбекомъ. Храбрый Сардаръ Бекпемиръ, копорый былъ въ полномъ воспоргѣ, видя себя предводишелемъ непобѣдимаго по словамъ его воинства, сдѣлалъ нѣсколько круговъ въ виду ополченія, и послѣ подѣхавъ ко мнѣ съ юношескою бодростию, произнесъ: шеперь наконецъ несомнѣнно вѣрю, что полишика есть нѣчто не глупое, и что почтенный другъ нашъ Шамагуль никогда бы не могъ сдѣлать намъ столько добра, если бы крѣпко держался Макука, и не согласился на нѣкоемъ условіи сдѣлаться мусульманиномъ. И такъ, чтобы показать шепъ, Свѣшлѣйшій Князь, что и я начинаю набираться прилипчиваго

вліянія полишки, то осмѣливаюсь объявить, что ты посупишь крайне неполипично, когда не припомнишь и не опомсишь полспому Князю Кунаку за обиды, шебъ и мнѣ причиненныя во время принятія къ себѣ боговъ нашихъ и въроломнаго жреца Маркуба, а особливо при посольствѣ моемъ для посвященія сего невѣжды въ кавалеры ордена нагайки. Вишь спина Великаго Сардара чего нибудь да споишь!

Слова сіи привели сердце мое въ немалое волненіе. Воображенію моему живо представился Сардарь, вершящійся въ образѣ змѣя подъ нагайками злобнаго Кунака, а еще болѣе воспламенила меня мысль о дерзости ненависшнаго Князя Кубаша, осмѣливагося желанія свои прѣспершъ до обладанія Княжною, мною обожаемою. Почему, соспавя въпроемъ шайный совѣпъ, мы положили начашъ походъ съ шѣмъ, чшобы до закаша солнечнаго расположишься спаномъ въ виду Кня-

жества Кунакова, и памь уже подумашь и положишь рѣшительно, что должны предпринять мы для поддержанія чести своей и долгаго воздаянiя за непрощительныя обиды.

Г Л А В А 20я.

Цѣломудріе невѣсты.

Солнце начало уже золотымъ кругомъ своимъ касаться верхнихъ спремнинъ Кавказскихъ; мы увидѣли дикую скалу, на коей расположено было Княжество Кунаково, а подальше его, въ пѣни буковой роци, любезное мое опеченство. Сердце запрепечало отъ радости, слезы умиленія выступили на глазахъ, и я не смогъ, что нѣжная Сафира была подлѣ меня, — нѣсколько времени не могъ свести глазъ съ высокой каменной башни, сославлявшей крѣпость моей родины. — Я далъ знакъ — и все основилось, всѣ спѣшились, и под-

данные мои начали разводить огни на берегу горнаго ручья, съ шумомъ вливавшагося въ нѣдра Терека.

Сколько ни былъ я возмущенъ въ духъ и разсѣянъ въ мысляхъ, но не могъ не замѣшить, что и прелестная подруга моя была не въ лучшемъ положеніи. — Князь! сказала она съ замѣшательствомъ невѣспы и довѣріемъ супруги: любезный Князь! я примѣчаю, что у себя не безъ замысловъ на счетъ Князя Кубаша, за то, что онъ нѣкогда... имѣлъ желаніе... меня... имѣлъ женою! Не хочу раздражать швоей чувствительности защищеніемъ Кубаша, извиняя его въ шакое желаніи, которое впрочемъ было ему дозволено. Дѣлай, что почтешь ты сообразнѣйшимъ швоей чести и полишкѣ, о которой ты и друзья швои швердише на каждомъ шагѣ! хочешь ли ты заключить съ нимъ прочный миръ, или начашь кровопролитную войну, я желаю тебѣ со всѣхъ сторонъ успѣха. Но разсуди великодушно,

какъ прилично Князю, полипику и любовнику, сколько любезно шебѣ швое опечество, сполько мнѣ мое. Оппусти меня шеперь же къ опцу моему, придавъ въ сопущники десяшь швоихъ всадниковъ. Побѣгомъ своимъ я много принесла ему горя, и справедливостъ шебуешъ, чшобы не медлила ни одною минушою его успокоишь, сколько шо зависѣшь будешъ опъ моей власши. Я съ своей спороны, проѣзжая мимо швоего Княжества, повѣщу всѣхъ о перемѣнѣ швоихъ обшояшельствъ и о мѣспѣ швоего пребыванія. Я увѣрена, чшо къ полудню солнца шы по крайней мѣрѣ половину прежнихъ подданныхъ увидишь въ своемъ шанѣ.

Совѣшники мои единогласно провозгласили, чшо цѣломудріе и нѣжностъ Княжны достойны всякаго уваженія; а припомъ, если дѣло дойдемъ до драки съ Княземъ Кунакомъ и его сыномъ, шо гораздо лучше, когда и духу женскаго при шомъ не будешъ. Я склонилъ

ся на сии мудрыя представленія, и Княжна, въ сопровожденіи десяти шилохранишелей, съ пролишемъ слезъ съ обѣихъ споронъ, удалилась къ Ларсу. Долго сморрѣлъ я вслѣдъ за нею, пока нависшія по обѣ спороны ущелья гранишныя скалы не скрыли ее отъ моихъ взоровъ. — Я думалъ было погрузишься въ уныніе, но вѣрныя друзья до того не допустили. Они взявъ меня подъ обѣ руки, подвели къ большому костру дровъ, гдѣ на вершелахъ кипѣлъ жирный шешлыкъ, а подлѣ большаго шулука стояли разной мѣры кедровыя кубки, полныя Кизлярской водки. Мы дружно принялись за дѣло, и даже шѣнь унынія разсыялась.

Бывъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа, я обратился къ Шамагулу: вѣрный другъ! какъ бы хошѣлось мнѣ слышать отъ тебя о послѣдствіяхъ похода Самсундинова, и о полишикѣ, посредствомъ коей склонилъ ты сполькихъ его подданныхъ слѣдовать за собою въ

горы; а особливо, какъ посчастливилось тебѣ съ Аспраханскими юзлуками выплеснись изъ плѣна?

—Мнѣ и самому, оповѣспивоваль Мушій, хочется объявить тебѣ, Свѣплвйшій Князь, о сихъ происшествіяхъ; ибо, не хвасаясь скажу, что если бы въ такое сомнительное время полишика хотя немного меня оставила, то не видать бы тебѣ вѣрнаго друга своего Шамагула. И такъ слушай.

Г Л А В А 21 я.

Двойной плѣнъ.

Когда предводимое побою храброе ополченіе подъ знаменемъ Волчьяго хвоста, подобно быспроногимъ оленямъ разбѣжалось въ разныя стороны, тебѣ извѣстно, что Сардаръ Ишмурашъ приказалъ на трубахъ, гобояхъ и бубнахъ возвѣснись приснупъ къ непріятелю. — Я удалилъ себя опъ во-

инспва, и слѣдствія сего обоимъ намъ извѣстны. — Ханъ Самсундинъ блѣдный, препенущій, едва держался на верблюдь. По правую сторону его вхаль я, чипая громко приличные стихи изъ Алкорана, а по лѣвую Визирь Башырша еще громче шолковаль ему о мужеспвѣ. Я имѣю причину думать, что Ханъ не слыхаль ни одного слова, ни Муфшѣева, ни Визирева.

Праведный Муфшій! воззваль онъ наконецъ: не написано ли гдѣ въ божеспвенномъ Алкоранѣ, что для Хана нѣтъ ничего постыднаго, если онъ оставишь поле сраженія? Я право здѣсь лишній, да и верблюдь мой прусливъ до крайности!

Не зная судьбы происходящей бишвы, я не зналь что опвѣчаль ему, а пошому прибѣгнуль къ общему правилу полипики — опвѣзашься опъ него ничѣмъ. Я подниаль глаза вверхъ, подкапиль зрочки подъ веки, и приняль видъ усердно молящагося. — Когда я былъ въ семь богобоязненномъ

положеніи, вблизи насъ раздались шумочисленные голоса, радоспные и плачевные. Я распрямилъ глаза и увидѣль — признаюсь не безъ нѣкотораго содроганія, — что Казанцы ударами сабель и копій гнали обозныхъ нашихъ цѣлыми шолнами. Аспраханцы ныряли шо въ шу, шо въ другую спорону, и опкрыли прямой пупь къ Хану. Враги опкружили насъ оповсюду, и воевода ихъ, свирѣпый Арасланъ, однимъ ударомъ сабли опрубилъ голову Ханскому верблюду. Живошное, по силъ законовъ шягошнїя, спремглавъ повалилось на землю, а съ нимъ вмѣспѣ и велильпный Самсушдинъ, подобно општоргнушому молнією ушесу, съ шумомъ, спономъ, гуломъ и рыканіемъ распянулся на землю и опкрылъ очи свои. — Помедли, великій воевода! вскричалъ я къ Араслану, понукавшему жеребца своего провздишься на хребтѣ Самсушдина, помедли и познай, что шы видишь подъ собою Великаго Хана Аспра-

ханскаго, я Муфшій его, и сей вельможа естъ Визирь Башырша!

Тѣмъ лучше, вскричалъ Арасланъ, — шѣмъ лучше, что въ одномъ мѣсцѣ нахожу я всѣ часши Ханспва, и на одномъ арканѣ могу васъ привести предъ очи Курмангалея и обиженной дщери его Юмангулы.

По его велѣнію мы совокупными силами принялись приводить Хаѣа своего въ чувство. — Башырша шеръ ему виски и дергалъ легонько за усы и бороду; Назиръ Туймакъ чесалъ подошвы, а я — замѣпя, что Ханъ началъ шевелить губами, мгновенно принесъ бараній шулукъ съ добрымъ виномъ, и кранъ направилъ въ его губы.

Г Л А В А 22я.

Не совсѣмъ дурно.

Сія влага была цѣлишельна, и Самсушдинъ, не открывая глазъ, выщѣдилъ половину шулука. Полежавъ еще нѣсколько времени, онъ вздохнулъ и прошипѣлъ: Алла! Вскорѣ онъ просянулъ руку, и мы бросились ему на помощь: общими силами приподняли и усадили на пригошвленномъ коврѣ. — Тогда Арасланъ, давно уже спѣшившійся, подошелъ къ нему съ величіемъ побѣдителя, но довольно съ дружескимъ видомъ произнесъ: объявляю шебя, Самсушдинъ Аспраханскій, плѣнникомъ Хана Курмангалея Казанскаго, шебя, и всѣхъ великихъ Двора швоего. Въ рукъ моего повелителя и поражение и милость побѣжденнымъ! Надѣюсь, что сколько спрога его правосудіе, сполько велика любовь къ неподобной дочери своей Юмангуль; а я съ своей спороны общаюсь припомнишь его

велелѣнію, что ты былъ нѣкогда счастливѣйшимъ ея супругомъ. Но между тѣмъ. . .

Онъ далъ знакъ, и знавшіе изъ приближенныхъ его подступили съ величайшимъ благоговѣніемъ къ Хану, опоясали драгоцѣнный мечъ его, вынули изъ-за пояса кинжалъ и съ шеи сняли цѣпь, на концѣ коей прикрѣплена была печать Ханская. Самсушдинъ переносилъ сіе несчастіе довольно съ политическимъ равнодушіемъ. Другіе чиновники шо же сдѣлали съ Ханскою свисою, исключая одного меня, ибо имя Муѣшія священо у всѣхъ народовъ, чшущихъ своего пророка.

Арасланъ не задолго передъ тѣмъ отправилъ гонца въ спанъ Казанскій возвѣстивъ Курмангалю о совершенной своей побѣдѣ и о плѣненіи Самсушдина со всѣмъ его обозомъ. Сей посланный вскорѣ возвратился покрытый пылью и кровію. На лицѣ его живо напечатлѣны были ужасъ и пораже-

ніе. — Опъ чего ты такъ перемѣнился? спросилъ Арасланъ вынувъ изъ рта трубку, которую досель на соблазнъ нашъ курилъ онъ: развѣ веледѣпный Курмангалея все еще не доволенъ моими уснѣхами? не понимаю! развѣ пошому, что я зяпя его не повѣсилъ, и вельможамъ не велѣлъ опрѣзать носы и уши? если такъ, то пожалуй! только скажи, и все мигомъ исполнися!

Великій Сардаръ Арасланъ! опъ вѣчалъ плачевно вѣспникъ: швоя премудросшь на сей разъ не догадалась. Я не удостоился и видѣшь веледѣпнаго Курмангалея! — Какъ? почему? — Увы! онъ почно въ такомъ же положеніи у Астраханцевъ, въ какомъ Самсушдинъ у насъ!

Алла! вскричалъ Арасланъ, вскочивъ съ земли: онъ въ плѣну? — Съ Юмангулою, со вкуками, и со всѣмъ своимъ спаномъ! Арасланъ осполбенѣлъ; мыже напропивъ што опъ сихъ немногихъ словъ ожили какъ поблекшія опъ зноя рас-

пѣнія бивъ напоены небесною влагою. — Самсупдинъ распрямилъ поникшую голову, и въ первый разъ со времени паденія съ верблюда пораздвинулъ усы и погладилъ бороду. Башырша одинъ казался нѣсколько пасмурень, и я сей часъ догадался, что сіе было слѣдствіемъ зависпи, сполько общей господамъ придворнымъ.

Видя, что дѣло дошло до моей полишки, я сказалъ Сардару: не благодаришь ли ты, Арасланъ, благому провидѣнію, что оно окончило шакъ счастливо самое несчастное предпріятіе, какова естъ война, а особливо между едино-вѣрцами и родными? — Конечно, отвѣчалъ печально Сардаръ; но я надѣялся заключить миръ въ Аспрахани! — И нашъ Сардаръ Ишмурапъ не иначе намѣревался вложить въ ножны мечъ свой, какъ въ Казани; но видишь, всеблагій Алла повелѣлъ бытъ иначе. Посему я, — изволеніемъ великаго пророка — Муѣшій Аспраханскій,

сей часъ ѣду въ побѣдоносный станъ свой, и объяснюсь съ Курмангалеемъ; что повелишь мнѣ велельпный Самсушдинъ и мудрая полишика?

Что мнѣ повелѣвашь? отвѣчалъ Ханъ съ геройскимъ равнодушіемъ: спупай во имя пророка и дѣйствуй по внушенію швоей полишики, а между шѣмъ — при мысли о шакой вождельпной перемѣнѣ моихъ обстоятельствъ, я почувствовалъ неодолимый позывъ на ѣду, и надѣюсь, что Сардаръ Арасланъ не воспрешитъ моему Назиру исправишь свою обязанность.

Разумѣется, что Арасланъ не пропивился. Назиръ Туймакъ съ кухонными прислужниками бросился къ запаснымъ вьюкамъ; а я, сопровождаемый приличною свитой, пустился къ стану Ишаурашова. Башырша съ прочими придворными осшался при Ханѣ, дабы доказать ему, что со многими великими Государями еще худшее случилось, и они весьма мало о томъ

забошились, лишь бы оставлены были при нихъ походныя кухни.

Г Л А В А 23 я.

Счастіе войны перемѣнчиво.

На серединѣ дороги между обоими воинствами встрѣшилъ я посланца Ишмурапова, который скакалъ въ спань Самсудина возвѣстивъ побѣду надъ Курмангалемъ. — Возвращись назадъ, сказалъ я сему Тапарину, и не печалься, что на сей разъ не получишь отъ Хана за пріятную вѣсть приличнаго подарка. Самсудинъ давно уже обстоятельно извѣщенъ о всемъ происшедшемъ!

Подѣхавъ къ стану Астраханскому, я встрѣченъ былъ Ишмурапомъ, который, подобно какъ и я, бросившись съ коня, обнялъ меня съ восхищеніемъ, и вскричалъ: поздравь мое оружіе, велемудрый Мушій, доставившее счастливый

Часть IV. Н

успѣхъ моимъ намѣреніямъ. Ханъ Курмангалеи у меня въ плѣну совсѣмъ родшвомъ и великими Двора его! Давъ время воинству отдохнушь, я полечу къ Казани, и клянусь цѣлосцію ушей моихъ и носа, что ни одной хижины не оставлю неограбленною, а Ханскія и вельможскія палаты шакъ очищу, что и всей полишикъ швоей не въ память!

Эшо было бы превосходное дѣло, шпвѣчалъ я, и мнѣ дѣйствишельно ничего бы въ возраженіе сказашъ не оставалось, если бы къ общему несчасцію или счасцію, не должны были мы заключишь миръ, и припомъ шеперь же. Гдѣ Курмангалеи? Я посланъ къ нему опъ вельпнаго Самсупдина съ мирными предложеніями!

Праведный Алла! вскричалъ Ишмурашъ: какой невѣрный могъ власшелину нашему внушишь шакія пагубныя мысли? Не ужели и шы, Муфшій, сполько премудрый, и многоопышный Визиръ Балпырша —

не могли поселить въ душѣ его шѣхъ благородныхъ чувствованій, кошорыя столько обычны побѣдшело? — Въ помѣ и дѣло, храбрый Сардаръ, ошвѣчалъ я пожимая плечами: что мы точно въ одномъ положеніи съ Казанцами. Курмангалей въ плѣну у себя, а Самсудинъ — у Араслана. Наспоящая картина всего дѣла вышла на Европейскій вкусъ, какъ будто два союзныя Монарха изъ любви и почшенія одинъ къ другому спавяшъ спражу изъ собшвенныхъ шѣлохранишелей.

Ишмурашъ измѣнился въ лицѣ. — Такъ по этому я, вскричалъ онъ, ударивъ себя кулакомъ по лбу, достигъ уже конца своихъ подвиговъ, когда не прошекъ и половины поприща ко храму воиншвенной славы? О пророкъ, для шого ли я столько желалъ войны, что бы начавъ оную подѣ спасшлшвейшими предзнаменованіями, кончшшь посшпыднымъ миромъ!

Правду сказать, опивчалъ я съ важностію, Сардаръ Ишмурапъ оказался болѣе храбръ, нежели сколько прѣбовала полишика! — Я презираю подлую полишику, кричалъ онъ неистово, кошорая полагаетъ границы храбросши! — Богохульствуешь, Сардаръ, возразилъ я набожно. Согласись со мною: не полезѣли было бы для всей области Аспраханской не брать въ плѣнь Курмангалея, но не предавалъ шому же и Самсупдина. Если бы тогда не удалось намъ первое сраженіе, мы могли надѣяться на вшорое, на прешье и шакъ далѣе. Въ случаѣ пошери всего наличнаго воинства, у насъ оставалось цѣлое Ханство; шеперь же, что оставается намъ? — размѣняшь ся Ханами — и со спыдомъ возвращаешься во свояси!

Печально повѣся голову, Ишмурапъ задумался. — Не шужи, храбрый Сардаръ, сказалъ я дружелюбно: посмотри, не внушили ли чего мнѣ полишика съ честию выпускашь-

ся изъ сего дѣла? — Ишмурапъ поднялъ глаза и смопрѣлъ на меня съ вѣрою, надеждою и любовію.

Полишика моя, продолжалъ я, будешь состояшь въ слѣдующемъ: не объявляя никому о судьбѣ нашего властелина, ты предсавь меня Курмангалею въ видѣ Ханскаго Полномочнаго Посла, и тогда посмопримъ, что внушашъ мнѣ всеблагій Алла и великій пророкъ его.

Условившись въ спашьяхъ насупающаго мира, Ишмурапъ ввелъ меня въ шаперъ Ханскій. Онъ предсавилъ меня, яко Муфшія и Посла, Курмангалею, погруженному въ глубокое уныніе. Дочь его Юмангула, обнявшись съ дѣльми, горько плакала, проклиная судьбу свою и велельпнаго супруга.

Принявъ, сколько время и мѣсто того шребовали, самую величавую осанку, я произнесъ: Могущій повелитель мой Самсупдинъ, Ханъ Аспраханскій, Курмангалею, Хану Казанскому, желаетъ мира, здравія и всякаго благополучія!

Теперь на опытъ знаешь, о повелишель, сколько счастье войны переменчиво! Когда ты съ высокою холма взиравъ на побѣгъ передоваго воинства нашего подъ знаменемъ Волчьяго хвоста, думалъли, что въ пошъ же день самъ, высокою своею особою, съ прекрасною дочерью Юмангулою, почти со всѣмъ великолѣпнымъ Дворомъ своимъ будешь въ плѣну Аспраханскомъ?

Курмангалей закрылъ глаза руками, а дочь его подняла такой вопль, что волосы шапра содрогнулись.

Не печальшесь, Свѣплѣйшій плѣнникъ, продолжалъ я: не всегда тучи покрываютъ небо, не всегда стрѣлы молніи поражаютъ дубы и кедры, — такъ и мой повелишель не всегда предается гнѣву и мщенію. Знай, велемъпный Ханъ Курмангалей: онъ даруетъ тебѣ — на нѣкоторомъ условіи — миръ и свободу! Знай, Юмангула, предмета твоей ненависти, прекрасной Гульбеки, давно уже нѣтъ въ Москвѣ

Аспраханской! Свѣплѣйшій супругъ предлагаешь тебѣ по прежнему любовь свою, а старшему сыну твоему, по кончинѣ своей, драгоценный колкапъ Ханскій.

Всѣ пришли въ крайнее недоумѣніе отъ шакого великодушія со стороны раздраженнаго побѣдителя, и Юмангула съ довольною пріятностію произнесла: я всегда считала его добрымъ и снисходительнымъ, и еслибъ не проклятый Лондонъ съ очаровательнымъ своимъ напишкомъ, а послѣ ненавистная Москва со своею прелестною язычницею, не развращали сердца его, то я никогда бы не оставила своей Аспрахани.

Какоежъ по условіе, спросилъ ласково Курмангалей, на коемъ Самсудинъ даруешь мнѣ свободу?—Самое прѣстое,—опшѣчалъ я, и оно соспоишь въ помъ, чшобъ въ одно мгновеніе прекратишь всѣ военные раздоры, именно: пиши вопервыхъ повелѣніе Сардару твоему Араслану, что гдѣ бы ни насшигли его посланцы:

швои, въ шу же бы минушу распустиль войско, какое еще у него осталось; ибо не думаю, чшобы ошь мечей наших ускользнула хошя горсть Казанцевъ. — Вошпорыхъ: пригошовъ грамошу къ Самсусдину, чшобы онъ спѣшилъ въ швои объашія, и чшо шы возвращаешь ему прежнее уваженіе, прежнюю любовь и Юмангулу.

Разумѣеся, чшо сполько милосливья предложенія ошь побѣдителя, приняшы были съ нелеснымъ удовольствіемъ и признательностію. Да и къ чему могло пригодиться Курмангалею, — шакъ вѣроятно думаль онъ — полуразбитое войско его? чего плѣнная Юмангула могла ожидать лучшаго, когда по правамъ войны прежній супругъ, ошкрывающій ей ошашь ложе свое, могъ поставить ее ниже послѣдней невольницы? — А посему повелѣніе Араслану и грамоша къ Самсусдину мгновенно изгошовлены, запечашлены Ханско печашію, и я вручилъ ошья двумъ чи-

ювникамъ изъ моей свиты, кошорые очень хорошо знали, гдѣ найти Сардара Казанскаго и Хана Аспраханскаго.

Когда такимъ образомъ предварительныя спашья окончаны, Ишмурашь приказалъ въ особенномъ шашрѣ пригосовишь пиршество огромное въ ожиданіи Самсупдина; а какъ оба рашующія воиштва были въ разстояніи одно ошь другаго не далѣе какъ на двадцашь вышрѣловъ изъ лука, шо носилки Самсупдиновы весьма въ скоромъ времени появились въ сопровожденіи Визиря Бапырши, Назира Туймака и всего знашнаго дворштва, а равно и Араслана со многими Казанскими военачальниками. — По предложенію моему и Ишмурашову, Курмангалей съ пошупленными вни зъ глазами, и Юмангула съ зардѣвшимися щеками — вышли ему во срѣшеніе. Самсупдинъ не могъ придумашь, какимъ бы праведнымъ дѣломъ приобрѣлъ онъ сполько милосшивое раз-

положеніе къ себѣ пророка, что война съ шешемъ окончилась, а Юмангула, сполько всегда упрямая, сполько заносчивая, сама предается теперь во власть его. — Съ помощію прислужниковъ онъ сколько можно проворнѣе сошелъ съ носилокъ, успремился къ Курмангалейю въ объятія, попомъ къ Юмангуль, а послѣ къ двумъ сыновьямъ своимъ. Арасланъ, самъ свирѣпый Арасланъ умилился, видя такую чувствительность особъ владѣтельныхъ.

Г Л А В А 24 я.

Слѣдствія мира.

Теперь радуюсь, вскричалъ Арасланъ, что Ханъ Самсудинъ остался живъ, и я не расшопталъ его конскими копытами. — Какъ же бы ты могъ это сдѣлать? вскричалъ Курмангалей, когда я былъ въ плѣну, а воинство твое разбило на голову! — Мое воинство раз-

бишо? возразилъ съ изумленіемъ Арасланъ: клянусь прахомъ предковъ моихъ, что воинство мое было побѣдоносно, и Ханъ Самсудинъ со всѣмъ Дворомъ своимъ былъ плѣнникомъ у меня точно такъ, какъ ты у Ишмураша!

Курмангалеи ошполбенѣль и пребывалъ въ недоумѣніи; но Юмангула вообразя вдругъ, что пользуясь плѣномъ своего супруга, могла предписать ему самые строгіе законы, или даже старшаго сына своего объявить Ханомъ, а до совершеннолѣтія его самой управляя народомъ, Юмангула грозно воззвала къ Араслану: для чего же, подлый измѣнникъ, о положеніи дѣлъ твоихъ не увѣдомилъ своего повелителя? — При самомъ началѣ плѣна Самсудинова, ошвѣчалъ сурово Арасланъ: посылай я къ Курмангалею обо всемъ его увѣдомить, и получилъ горестное свѣдѣніе, что и мой Ханъ точно въ такомъ же положеніи, какъ и Аспраханскій. Вслѣдъ за симъ ошправился его Муфшій, который

зналъ всё обстоятельство дѣла и могъ уведомить вельможнаго Курмангалея! — И однакожь, опивчалъ Ханъ со вздохомъ, я до сей поры ничего не вѣдалъ, иначе... Иначе, возразилъ я величественно, мы и досель не наслаждались бы вождленнымъ миромъ! Бросьте пеперь, знаменитые Ханы и родственники, всё объясненія, копорыя вмѣсто желаннаго успокоенія могутъ привести на память одни непріятныя воспоминанія, копорыя особливо такъ вредны для здоровья во время прапезы, а прапеза самая великолѣпная угошована въ ближнемъ намѣшѣ.

Самсупдинъ взглянувъ на меня съ нѣжностію, дружелюбно протянулъ руку къ Курмангалею; придворные вельможи имъ послѣдовали и обнимались; а Юмангула, по обычаю Мусульмановъ, удалилась въ свой шаперъ съ дѣшми и знамыми женами.

Въ продолженіе нашего пиршества, копорое было шумно, но не

весело, Ханъ Казанскій, при каждомъ взорѣ на своего зятя, вздыхалъ скрышно; но я прибѣгнулъ къ пріятной полишикѣ: по данному знаку невольники наши явились съ пребольшими кувшинами и серебряными кубками. Призвавъ громкимъ голосомъ благословеніе опъ великаго пророка, я первый, устремля глаза къ небу съ возможнымъ благоговѣніемъ, высушилъ до дна кубокъ съ лучшимъ виномъ Ас-спраханскимъ. Попомъ, наполня его вновь, подалъ Самсудину, который принялъ его съ улыбкою и поступилъ по моему. — Курмангалей немного запинался, но когда Великій Муч-пій упомянулъ имя свое и пророково, то и онъ послѣдовалъ нашему благому примѣру, а за Ханами — и всѣ придворные. Тутъ беседа наша сдѣлалась гораздо веселѣе и продолжалась почти до вечера, какъ Курмангалей поднялся, дабы засвѣтло снарядиться въ обратный путь.

Когда всѣ опять соединились въ Ханскомъ шандрѣ, и Самсудинъ, согрѣтый сокомъ винограда, подошелъ къ Юмангуль и ласково разинулъ ротъ, намѣреваясь, по видимому, сказать ей нѣчто любовное, какъ она съ важнымъ видомъ, опшупивъ назадъ, произнесла: ты знаешь, что женщины въ походѣ бывають налегкѣ. Всѣ мои сокровища остались въ Казани, а потому я опправляюсь теперь съ опцемъ моимъ; послѣ же. . . .

Подлинно такъ — сказалъ Самсудинъ съ непришворною холодносною; — послѣ можешь ты опправишься въ Аспраханъ съ болѣшею удобносною, чѣмъ съ нами, людьми военными!

Вскорѣ послѣ сего Курмангаей поднялся со всѣмъ обозомъ. Самсудинъ приказалъ десятерымъ изъ своей спражи проводить Юмангулу до границы. Все пришло въ движеніе, и не успѣло солнце склониться къ западу, какъ поля Аспраханскія не зрѣли на хребтахъ своихъ

ни одного Казанца. — Тупъ собранъ былъ у насъ Чрезвычайный Совѣщъ, въ коемъ положено: воздавши порожественное благодареніе Аллѣ и пророку его за столь славное окончаніе брани, провести осташокъ дня въ пиршествѣ, а ночь въ покоѣ, и поупру подумашъ о возвращномъ пуши въ Асшраханъ.

Г Л А В А 25я.

Миръ не состоялся.

Уже свѣшлый мѣсяць высоко кашился на чистомъ, голубомъ небѣ; уже предъ Самсуддиномъ лежали голыя косши и спояли пушые кувшины; уже властелинъ начиналъ зѣвать и морщиться, какъ десяшь посланцевъ для сопровожденія Юмангулы возвратились и вручили Хану грамоту отъ Курмангалея. — Завтра поупру Башырша прочешъ намъ писаніе, сказалъ Ханъ заикаясь, и смежилъ

очи свои. Толпа невольниковъ собралась къ нему, подмоспила въ головы нѣсколько подушекъ, и онъ започивалъ крѣпко накрѣпко. Цѣлое воинство предалось покою.

Возсіяло солнце на Аспраханскомъ небѣ; вожди и воинство выступились въ порядкъ подѣ своими знаменами и ожидали повелѣнія. Кое-гдѣ издали показывались по два и по три вишязя Волчьяго хвоста, не смѣя приблизиться къ рашаному спану. Тушъ владыка опроверзъ уста и повелѣлъ угошовать зашпракъ, и когда царь ошъ распавленныхъ блюдѣ коснулся ноздрей его, онъ улыбнолся и — опкрылъ глаза. Придворные помогли ему подняться, и онъ усѣлся, поглядывая весело на вокругъ стоящихъ вельможъ и воинство.

Когда Ханское чрево не могло уже болѣе ничего вмѣстить, то Визирь Башырша припомнилъ о грамошѣ ошъ Курмангалея, и получилъ повелѣніе прочесть оную.

Визирь, пробѣжавъ глазами роковое писаніе, весь измѣнился въ лицѣ, а послѣ дрожащимъ голосомъ прочелъ слѣдующее :

„Было бы извѣстно тебѣ, о Самсудинъ, что миръ, обманомъ пріобрѣтенный, не можетъ быть проченъ. Какъ скоро всушилъ я въ предѣлы Казанскіе, полчасъ разосланы гонцы о наборъ новаго воинства. Готовся къ бишвѣ кровопролитной и не думай впредь провеспи меня. Юмангула сполько же ненавидишь себя, какъ и я!

Курмангадей.“

У Свѣшлѣйшаго Самсудина закрылись глаза и опустились руки.— О Алла! сказала онъ, вздохнувъ отъ глубины души: ты видишь всѣ изгибы сердца моего, и знаешь, я ли виновенъ буду въ новомъ кровопролитіи? Но чтобы мнѣ совершенно бытьъ чистымъ предъ правосуднымъ небомъ, то я намреть тецерь же возвращишься въ мою столицу. Съдайте верблюда моего двугорбаго! Я увѣренъ, что про-

зорливый Визирь Батырша и богобоязненный Мушій Шамагуль за мною послѣдуютъ. Пусть мужественный Сардаръ Ишмурапъ управляется какъ знаешь съ безбожнымъ Курмангалеемъ.

Поднялась въ Ханскомъ станѣ тревога не малая. Онъ взмогнулся на своего верблюда, и вся свита двинулась смѣсью; но воинство, хранившее досель мнимое спокойствіе, возшумѣло, и доблестивый Булапъ, предводитель знамени Блиспашельной луны, на бодромъ иноходцѣ подъѣхалъ къ Хану.

Помедли, велѣльный повелитель! воззвалъ онъ: и выслушай слова мои; въ нихъ заключаешь общее желаніе своего воинства, желаніе праведное, въ коемъ опказать, кажешься, не было бы правосудно. — Когда мы, нѣсколько дней назадъ, собраны были подъ знаменами твоими на брань кровопролитную, то не Сардаръ ли Ишмурапъ священнымъ твоимъ именемъ общалъ намъ дозволеніе ограбить Казань

цевъ до нишки и взяшь всѣхъ въ плѣнь съ собою? Не само ли праведное небо согласно было на исполненіе благочестиваго сего обѣща? Не былъ ли въ плѣну у насъ злокозненный Курмангаей съ своею дочерью, со внуками и со всѣми знашнѣйшими военачальниками? И что вы съ ними сдѣлали? вмѣсто того, чтобы всѣхъ Казанцевъ опшправить въ шемницы Аспраханскія, а воинству дозволишь вшпортунуться въ предѣлы вражіи, предашь сопротивляющихся мечу и пламени, похишишь все, что сподипь шруда везти и весити въ опешество, и съ безсмершною славою возвращишься во свояси, ваша полишика шакъ на сей разъ обезпаша, что вышпустили плѣнныхъ безъ всякаго выкупа, въ прошивносшь всѣмъ законамъ и божескимъ и человѣческимъ! — Что же изъ всего вышло? мы опшались въ сошвершенныхъ дуракахъ, и должны опашь тошовишься къ войнѣ. И шакъ вѣдай, о велелѣпный Ханъ

Самсудинъ, что воинство не иначе склоняешь ополчешься впрочемъ ко брани, какъ получа позволеніе повоевать прежде въ предѣлахъ Аспраханскихъ. Я съ воинствомъ моимъ усремлюсь прямо на столицу, и доволенъ буду ею одною; а храбрые Баширъ и Габдуль пускаясь на Кизляръ и Моздокъ. Возвратившись каждый съ своего подвига, соединимся по прежнему въ одно ополченіе, и симъ способомъ искусившись въ военныхъ дѣлахъ, пойдемъ ратьовать съ Казанцами.

Г Л А В А 26я.

Новый родъ удовлетворенія.

Булашъ остановился. Ничего и сказывать, въ какое онѣмѣніе привела насъ рѣчь неисповаго вождя сего. Мы все сморѣли другъ на друга помершвѣлыми глазами. Самсудинъ шевелилъ усами, и хо-

пѣлъ что-то выговорить, но губы не распорядились. Мнѣ бы не жаль, хотя буншующее воинство истребило бы цѣлую область, только бы не касалось Аспрахани и Моздока. Ахъ! въ первой хранились мои сокровища, а въ послѣднемъ скрывались другъ мой и его любезная! и то и другое — было весьма близко моему сердцу, и я со всемъ щажениемъ призывалъ на помощь въ бѣдѣ сей божественную полицику.

И она мгновенно озарила меня свѣтомъ своимъ. Я первый открылъ уста и произнесъ: Свѣплѣйшій Самсудинъ! требованіе твоего воинства опчаспи справедливо, — и попому надобно его уважить; но какъ сіе же требованіе превышаетъ всякую возможность къ удовлетворенію, то о семъ надобно разсудить хорошенько въ своемъ Совѣтѣ. А посему ты, храбрый Булашъ, поѣзжай къ своему воинству, и ожидай спокойно Ханскаго повелѣнія.

Самсушдинъ , ободренный моими словами и неробкимъ видомъ , ожилъ , открылъ ротъ и произнесъ къ Булапу : исполнишь , какъ сказано ! — Военачальникъ поскакалъ къ своему знамени , вокругъ копыраго , во ожиданіи его , полпились вожди и старшины двухъ другихъ знаменъ , а я , Башырша , Ишмурапъ и Туймакъ , — приказавъ свистъ опдалишься , — окружили власпелина , копорый успремилъ на меня неподвижно глаза свои , и на лицъ своемъ показывалъ попеременно спрахъ и надежду .

Я произнесъ : внемли мнѣ , о Самсушдинъ ! и уразумѣвай , что вѣщаніе мое естъ внушеніе великаго пророка и мудрой полишики ! Всякой глаголь , произнесенный Ханомъ , долженъ бытъ исполненъ съ такимъ же благоговѣніемъ , какъ и заповѣдь Алкорана , а посему , когда изъ успъ швоихъ излешьло роковое обѣщаніе позволишь воинсшву грабѣжъ , шо для чесши име-

ни своего непременно должно сіе исполниться.

При семъ вступленіи Ханъ сильно наморщился, а вельможи спрашно усстремили на меня взоры свои.

Не унывай, о Самсуддинъ! продолжалъ я: не опчаевайшесь, высоко-степенные вельможи, и выслушайте до конца! — Города во всякой области сущь по же, что драгоцѣннѣйшіе, блистательнѣйшіе камни въ вѣнцахъ повелителей; потеря малѣйшаго изъ нихъ невозвратима, и оставишь превеликое, неизгладимое пятно на памяти его въ попомствѣ опдаленномъ. — И такъ я полагаю слѣдующее: предославивъ воинству, не касаясь Аспрахани, Наура, Кизляра и Моздока, произведи геройскіе подвиги свои по лѣвой сторонѣ Волги, отсюда — до улусовъ Калмыцкихъ. Пусь ихъ шамъ позабавяся!

Въ умѣлишы, честный Муфтий, вскричалъ Визирь Башырша, измѣнившись въ лицѣ и охвативъ

брюхо свое обѣими руками: да полно знаешь ли ты, священный мужъ, что въ мѣстахъ, побою къ грабежу назначаемыхъ, расположены всѣ мои помѣстья, какъ доставшіяся по наслѣдству, такъ и благопріобрѣтенныя. Тутъ именно мои загородные дома съ проспранными виноградными садами; шуть мои луга, на коихъ пасутся безчисленные стада лошадей, быковъ и овецъ. Не уже ли ты хочешь, чшобы праведное спяжаніе мое и моихъ предковъ погибло въ нѣскольکو дней опъ того, что храброму Ишмурату вздумалось начать войну, которая, правду сказать, не имѣла никакого законнаго основанія? О Муфшій!

Слушай до конца — возразилъ я — и тогда положишь на рѣшеніе правосуднаго Хана, коего прозорливость блистательна, какъ пеперешнее свѣшило небесное!

Правосудный Ханъ нѣжно взглянувъ на меня, погладилъ свое чрево; я продолжалъ: когда ша-

къмъ образомъ храброе воинство Аспраханское въ маешноспяхъ Визирскихъ будешь упражнялься въ воинскихъ подвигахъ, я опдохнувъ въ Аспрахани не болѣе двухъ сутокъ, съ приличною свисою отправлюсь Полномочнымъ Посломъ въ Великую Кабарду къ Князю Гирею. Всѣмъ намъ извѣсна сила его и богатство, а о мудрости и говоришь нѣчего: онъ весь напишанъ полишикою. Его-шо склоню я, чтобы навырчку Хана оппустилъ онъ спрашное свое воинство, совсѣмъ приготоовленное къ бишвамъ. Въ успѣхъ нѣтъ никакого сомнѣнiя. Когда рать сія прибудеть въ ваши предѣлы, мы на первый случай напустимъ на наше мяшежное воинство, и принудимъ оное — и припомъ весьма легко, кшо не знаешь, каковы Кабардинцы? — возвратишь все изъ швоего, Башырша, имѣнiя, что нашимъ воинамъ въ плѣнъ попадешся — все, до послѣдняго козленка.

Часть IV.

II

Но еслибы паче чаянія — полишикъ на все готовъ бышь должень — если бы, чего-либо изъ имѣнія швоего не доставало, то правосудный Ханъ — по благоразумному и испинно полишическому правилу, свяшо наблюдаемому всѣми Азіатскими властелинами — дозволишь тебѣ вмѣсто себя съ приличнымъ числомъ надежныхъ шѣлохранишелей пройши изъ конца въ конецъ Аспраханскіе базары (*) и изъ лавки каждаго купца захватишь все, что въ глаза попадешся. Повѣрь мнѣ, что потеря швоя вознаградишь съ избыткомъ; изъ купцовъ никшо въ конецъ раззоренъ не будешъ, прекрасные города наши и воинштво будущъ довольны.

Я замолкъ. Самсудинъ съ видомъ одобренія окинулъ насъ глазами, а Визирь Башырша, подумавъ нѣсколько, сказалъ: на шакоемъ условіи, я согласенъ! Мушій говоришь, что шакая мысль внушена

(*) Народные площади, рынки.

ему пророкомъ! да исполнишь во-
ля Божія и Ханская!

Чшожь пушь долго медлишь?
сказаль Ханъ: ступай, Ишмурашь,
къ воинству и повѣдай ему сію
волю мою и Божію, а мы пуссимъ-
ся въ блаженный пушь. Ахъ! когда-
шо я доберусь до моей Москвы и
Лондона? О прелесшная Гульбека!
О неподобный пушь.

Сардаръ поскакаль къ военачаль-
никамъ и изволеніе власпелина
имъ повѣдалъ. Когда все воинство
о семъ узнало, шо подняло радосп-
ный вопль. Всъ разсѣялись по об-
ширному полю; бранныя шрубы
загремѣли, и — въ скоромъ време-
ни всъ скрылись изъ глазъ; одинъ
Ишмурашь ѣхаль къ намъ шагомъ.

Хотя вѣрояшно не одна шы-
сяча правовѣрныхъ, коихъ посѣ-
пили наши рашники, возсылали
проклятія на Хана и Верховный
Совѣшь его, но конечно пророкъ
моимъ святымъ вняль молишвамъ,
ибо мы весьма прохладно и покой-
но брели пушемъ своимъ, и нако-

нець вступили въ столицу, гдѣ я проводилъ власпелина въ Аспраханскій дворець его, увѣривъ, что полишика пребуешь, чшобы онъ по крайней мѣрѣ семь дней проведеть съ супругою своею Гальбустаною, не посѣщая другихъ дворцовъ своихъ, а особливо Москвы и Лондона.

Въ два дня я совсѣмъ снарядился въ сей дальній путь. Поушру на прешій приказаль вѣрнымъ невольникамъ своимъ вести за городъ добрыхъ коней, навьюченныхъ моими сокровищами, а самъ отправился во дворець просишься съ Ханомъ. Онъ принялъ меня милоспиво въ палатѣ Совѣта великихъ Двора его. — Грамошакъ Князю Гирею и открышый лиспъ, чшобы на всемъ пути поданные его ошъ мала до велика оказывали мнѣ подобающее почпеніе и услуги, были уже гошovy и шущъ же вручены мнѣ. Я преклонилъ предъ Ханомъ колѣна, облобызаль его десницу, раскланялся съ про-

чими вельможами и вышелъ изъ дворца съ неменьшимъ удовольствіемъ, какъ нѣкогда изъ дворца Мирзабекова во время посольства моего къ нему отъ Князя Кубаша, для предложенія руки его Княжнѣ Сафирѣ.

По выходѣ изъ дворца вскочилъ я на коня, и въ сопровожденіи двухъ верховыхъ невольниковъ, — устремился въ путь, прося себѣ благополучія въ ономъ отъ Магомета и Макука. За воротами Аспраханскими соединился я со своимъ обозомъ, и всѣ вмѣстѣ поѣхали далѣе шагомъ.

Тутъ-шо, по давно обдуманному намѣренію, началъ я спарашься о пріисканіи себѣ Посольской свишы. Какъ скоро видѣлъ я Ташарина молодого, крѣпкаго, всего въ лохмотьяхъ, безъ обуви и безъ всякаго оружія, я пошчасъ предлагалъ ему десяшь юзлуковъ и почешное мѣсто: бышь членомъ моей свишы, общая во всю дорогу кормить на свой счетъ. — Бла-

годаря мудрому правленію правосуднаго Самсундина, въ шаковыхъ людяхъ не только не оказалось недоспашка, но даже мы уже многимъ оказывали въ сей чеспи, ибо я предположилъ, что болѣе пятидесяти сопутниковъ имѣть не надобно. — Съ [сею - то богатырскою свитною я нашель тебя, любезный Князь, въ Моздокъ, и вмѣсто того, чтобы почтеннаго Князя Гирея впутывать въ глупыя хлопоты, я искупилъ у него все, что нужно было для будущаго нашего обзаведенія. Посольство сіе выдумано мною для того, что иначе мнѣ и подлинно трудно, или и не возможно было бы вырваться изъ Аспрахани съ своими юзлуками и прочими сокровищами.

Г Л А В А 27я.

Вызовъ къ битвѣ.

Такъ бесѣдовали мы до самаго полудня, и погрузились въ глубокое безмолвіе, разсуждая мысленно о шѣхъ счастливыхъ перемѣнахъ, какія произойдутъ въ моемъ Княжествѣ по нашемъ доспославномъ возвращеніи. — Вдругъ мы были возбуждены народнымъ крикомъ и воплемъ. — Я, Шамагуль и Бекшемиръ вскакиваемъ, Ташары мои хватаются за оружіе, кони ржутъ и храпашь; быки, овцы, бараны и козлы съ козами, всякой по своему, подняли возгласы, и скоро всѣ познаемъ, что причиною сего смяшенія было спремещаеся къ намъ множество народа, прикрышаго лахмошьями и вооруженнаго дубинами. Предводитель ихъ спремился прямо ко мнѣ, восклицая: хвала великому Макуку! прежній власпелинъ нашъ возвращень вѣрному народу! — Прибѣжавъ, сей

воинъ припаль къ ногамъ моимъ и я безъ шруда призналъ въ немъ бывшаго Начальника моихъ шло-хранишелей. — Обнявъ сего вѣрно-подданнаго, и поздоровавшись съ прочими, я спросилъ съ гореспїю: ошъ чего пришли они въ такое нищенское сосшоянїе? — Увы! ошвѣчалъ онъ: — послѣ роковаго пораженїя, посшигшаго шебя на горахъ, у насъ все пошло подъ гору. Сосѣди начали дѣлать обиды и пришъсненїя, и непримѣшнымъ образомъ привели насъ въ сїе горесшное положенїе. Мы до такой сшепени унижены, что должны всякой разъ плашшь подашъ Князю Кунаку, когда изъ благочесшїя хотѣли поклониться Макуку и пролишь предъ изображенїемъ его слезы горесши и сѣшования; ибо со времени швоего бѣгсшва храмъ боговъ перенесенъ въ сїе Княжесшво невѣрнымъ Маркубомъ, кошорый и ошправляетъ въ немъ священнодѣйсшвіе съ прочими жрецами.

Повѣствованіе сіе пронуло меня до глубины сердца; но какъ однимъ сожалѣніемъ помогають однѣ женщины, то я первоначально приказалъ одѣшь прибывшихъ моихъ подданныхъ, коихъ числомъ было также до сорока, вооружить исправно, и каждому подарить коня. — Когда же увидѣлъ воинство свое сполъ знашно усиленнымъ и въ наилучшемъ порядкѣ, то приказалъ грозно шрубить въ двѣ военныя шрубы, и выспавя высокій шесль съ лоскушомъ на концѣ красной крашенины, махашъ имъ крепкообразно по воздуху. — Послѣ шаковаго объявленія войны мы съли на коней и ожидали, что придумаешь на сіе Кунакъ съ сыномъ своимъ Кубашемъ.

Г Л А В А 28 я.

Р о д и н а.

Въ Княжесствѣ упомянурыхъ Князей пришло все въ великое волненіе. Мущины бѣгали по пропинкамъ и по крышкамъ домовъ, а женщины, дѣши и спарики спѣшили въ крѣпость. Трубные звуки наши не умолкали и крашенинный лоскутъ не переславалъ развѣваться. — Въ непродолжительномъ времени мы увидѣли, что съ косогра спускается къ намъ посольство, копорое, когда нѣсколько приблизилось, по я опдѣльно распозналъ главныхъ особъ онаго. Напереди шествовалъ Князь Кунакъ, имѣя по правую руку Князя Кубаша; за ними слѣдовало до дюжины барановъ, коихъ подгоняли чешыре Горца, неся на плечахъ по небольшому шулуку, вѣрояшно, съ просяною водкою. — Ожидая приближенія сего величественнаго посольства, я надвинулъ на лобъ шапку, нахму-

рилъ брови, раздулъ щеки и ноздри, и избоченясь на конѣ, показался имъ грозень, подобно Кукаму.

Подошедъ шакъ, что можно было одному слышать голосъ другаго, Кубашъ началъ было вишійсвовашъ, предлагая дары и приглашая къ себѣ для угощенія; но распознавъ меня, онъ измѣнился въ лицѣ, опскочилъ назадъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ опцу: погибли мы! эшо Кайшукъ! — Опець, шакже узнавъ меня, въ свою очередь пришелъ въ такое же положеніе какъ и храбрый сынъ его, и едва могъ прошипѣть: да! эшо Кайшукъ! — И очень Кайшукъ! сказалъ я грознымъ голосомъ: и прибылъ съ симъ воинспвомъ, чшобы опмсшить вамъ за обиды, мнѣ нанесенныя, а особливо побою, бездѣльникъ Кубашъ! Выслушай свои беззаконія и произнеси самъ, чего достоинъ ты, судя по закону полишики! Не ты ли осмѣлился любить и хопѣлъ женишься на шой

Княжнѣ, которую самъ я любилъ спрашно? Не ты ли самовольно ушелъ изъ ямы, въ которую былъ запряманъ? Не вы ли оба приняли къ себѣ невѣрнаго жреца Маркуба съ окаянною брапіею? Не вы ли наконецъ лишили меня наслѣдственнаго достоянія и пришѣсняли бѣдныхъ моихъ подданныхъ? —

— Чегожь ты хочешь ошь насъ, спросилъ Кунакъ, что могло бы по твоимъ мыслямъ бышь доспапочнымъ для себя удовлешвореніемъ?

— Вопервыхъ, опвѣчалъ я съ видомъ равнодушія: поступишь съ тобою въ виду всего Княжества такъ, какъ поступилъ ты нѣкогда съ Посломъ моимъ и Сардаромъ Бекшемиромъ, когда онъ ошь моего имени явился къ тебѣ съ орденскимъ знакомъ нагайки, а потомъ. . . .

Я хотѣлъ продолжашъ дружескія условія, какъ увидѣли по-

явившихся изъ - за скалы человекъ
десять всадниковъ , прямо къ намъ
ѣдущихъ. Когда они приблизи-
лись шаговъ на сто , по предводи-
тель ихъ сошелъ съ коня и бысп-
ро пошелъ къ намъ. Я пошчасъ въ
семъ воинѣ узналъ Князя Мирзабе-
ка , почему въ шопъ же мигъ спѣ-
шился я съ Шамагуломъ и Бекше-
миромъ и успремился къ нему съ
распроспершими объяснїями.
Встрѣча наша и объясненїя были
прогашельны , и Мирзабекъ ска-
залъ : вижу , что державному Ма-
куку угодно , чшобы дочь моя Са-
фира была швоею женою , а ты
моимъ сыномъ и наследникомъ ; за-
будемъ всѣ минувшія горесши , и
воспоминанїемъ объ нихъ не ста-
немъ безумно оправляшь насшо-
щей радосши , эшо было бы совер-
шенно прошивно полишкѣ , въ ко-
шорую ты влюбленъ не меньше ,
какъ и въ дочь мою. Опъ сей по-
слѣдней знаю я , что ты имѣешь
враждебныя мысли прошивъ Князей
Кунака и Кубаша. Оспавъ ихъ ,

любезный сынъ, и поклянемся
всѣмъ не измѣняемою дружбою.
Знаю, что ты теперь въ силахъ
раззорить ихъ; но и они по вре-
мени найдуть случай надѣлать те-
бѣ довольно пакостей. — И такъ,
заблаговременно избѣгая всякаго
несчастія, вмѣсто ссоръ и дра-
ки обнимемся всѣ четверо по
брашски, заѣдемъ на перепутьѣ къ
Кунаку, ушвердимъ миръ за кубка-
ми и дружелюбно посовѣшуемся,
чѣмъ одинъ сосѣдъ можешь быть
полезенъ другому.

Подумавъ нѣсколько, я улыб-
нулся, пропянулъ руки — одну
Кунаку, а другую Кубашу, и всѣ
общались жить дружно. Послѣ
него я, Князя и мой Визирь
пустились къ Княжеспу,
а воинству своему приказалъ я
пихимъ шагомъ идти вверхъ
по берегу Терека, по направленію
къ моей обласи и ожидать насъ
на другой уже сторонѣ косогора.

Кунакъ угощаль насъ изобильно и добродушно, не забывая впрочемъ себя и своего наслѣдника, кошорый узнавъ о возвращеніи Сафиры, и въ поже время объ ея пошеръ, сначала задумывался, но послѣ утѣшился. — По окончаніи пиршества и по утвержденіи мирныхъ договоровъ, Князья проводили меня до самага воинства, гдѣ и распались съ пролишемъ не малыхъ слезъ, ибо каждый изъ насъ опорожнилъ не малое число кубковъ.

Съ непришворнымъ удовольствіемъ встрѣшила меня осшальная часшъ моихъ подданныхъ, а особливо, когда провѣдали, съ какимъ богашствомъ возвращаюсь, и когда увидѣли, какъ роскошно одарилъ я на первый случай выбѣжавшихъ ко мнѣ на встрѣчу. По моему приказанію жишели приняли гостей въ свои дома, а на содержаніе ихъ общаль я даваль провизію изъ собшвенной моей овчарни.

Хотя дворець свой нашель я пусшымъ и мрачнымъ, подобно древней гробницѣ, однако привезенными сокровищами онъ наскороу руку былъ украсенъ, а доброхотные подданные снабдили меня всѣмъ на первый случай необходимымъ.

Г Л А В А 29 я.

Обзаведеніе.

Три дни прошли въ отдохновеніи и въ тайномъ совѣщаніи съ избраннѣйшими и вѣрнѣйшими моими друзьями Шамагуломъ и Бекшемиромъ. На сей же великій подвигъ приглашены были два пожилыхъ льпъ Тапарина Фейзуль и Сейфуль, кошорыхъ умъ и досужество успѣлъ я узнать во время дороги. Безприсраспіе мое въ семъ случаѣ обнаруживалось тѣмъ, что я нарекъ ихъ помощниками

Визиря и Сардара, и они должны были занимать мѣста ихъ въ случаѣхъ, когда бы первые по болѣзни, опъ усалоспи или опъ дѣйствія просянаго дара Макукова не могли опправлять должностей своихъ съ надлежащимъ успѣхомъ. — Сею мудрою полишикою всѣ вообще мои выходцы были довольны.

По прошествіи сихъ дней покоя, по моему велѣнію весь народъ, старый и новый, опправился со мною къ буковой рощѣ, гдѣ нѣкогда запасались мы оружіемъ прошивъ Кунакцевъ. На выпрѣль изъ лука опъ чершы моего Княжества я оспановился, приказаль срубить чешыре огромныя дерева и врышь ихъ въ землю въ видѣ правильнаго чешыреугольника. Послѣ сего набравъ кадушку земли, размѣсилъ ее водою изъ близъ-журчащаго ручья, обваляль въ ней большой голышь и положилъ вмѣсто закладки, произнеся величественно: на мѣстѣ семъ да воздвигнешся новая крѣ-

посль *Кайтукъ*, на защишу новаго моего народа и на спрахъ супосшамъ !

Вельможи и народъ, Осешинцы и Аспраханцы съ великою охосою и единодушно принялись за работу, и мнѣ осшавалось полько сидѣть на ближнемъ пнѣ, смоспрѣшь на шрудящихся и управляшь ихъ движеніями. Къ объденной порѣ пригнано было пошребное число овецъ и барановъ, и спарики, не могуще участвовашь въ общемъ дѣлѣ, въ большихъ кошлахъ гошовили похлебку изъ пшена и баранины для работниковъ, а для меня съ вельможами шешлыкъ. Общеполезное дѣло сіе было кончено прежде нежели солнце опушилось за кремнишыя скалы. — Осмошрѣвъ съ восхищеніемъ крѣпосль, и видя, что она обширнѣе, шверже и выше крѣпосшей Ларса, Кунака и Казбека, я пришель въ умиленіе, и съ симъ сладосшнымъ чувсшвомъ возврашился въ свои чершоги.

На другой день — вниз по пологоспи ушеса, на кошоромъ возвышалась новая крѣпость Кайшукъ, началось строеніе домовъ по расположенію, мною начерпанному. Аспраханцы зная, что они собственно для себя строятъ жилища, были неупомимы, а мои Осешинцы охотно имъ подражали — и цѣлое селеніе для пятидесяти человекъ воздвиглось менѣе нежели въ двадцать дней.

Когда и сія работа окончилась, то я сказалъ собравшимся своимъ народамъ: вѣрные мои подданные! вы все имѣете теперь надежныя жилища для себя и будущихъ семействъ вашихъ! Посему спрогая справедливость пребудешь, чтобы поклоняемые одними изъ насъ Макукъ и Кукамъ, а другими Алла и Магомешъ, имѣли молищенныя себѣ храмы, приличныя ихъ достоинству. И такъ повелѣваю, чтобы подлѣ старой и новой крѣпостей они устроены были

наилучшимъ образомъ изъ цвѣпныхъ голышей, смазанныхъ красною глиною. Совершенство дѣла сего будетъ окончаніемъ трудовъ нашихъ!

Въ нѣсколько дней храмъ Макуковъ и мечеть Магометова воздвиглись въ неподражаемой красотѣ и великолѣпіи. Правду скажемъ, они уступали въ вышинѣ и обширности храмамъ Моздокскимъ, но за то превосходили изяществомъ вещества, изъ коего были составлены. Всѣ стѣны ихъ состояли изъ правильно сложенныхъ голышей красныхъ, синихъ, желтыхъ, бѣлыхъ и пестрыхъ. Такія зданія могутъ быть воздвигнуты только на горахъ нашихъ.

Когда храмы были готовы и блистали въ возможныхъ украшеніяхъ, я снарядилъ два чрезвычайныя посольства, одно къ сосѣднему Князю, до коего было два дни пути, просить къ себѣ про-

гнаннаго прежде мною Намѣспника Великаго Далай-Ламы, копорый по слухамъ пребывалъ тамъ, ушверждая въ правовѣрїи, и другое къ Князю Кунаку, пребуя возвращающа боговъ и изгнанїя изъ его Княжества невѣрнаго Маркуба и злобнаго Шемелу, и о присылкѣ ко мнѣ прочихъ жрецовъ. — Цѣль сихъ посольствъ была удачно выполнена. Макукъ и Кукамъ со всѣмъ храмовымъ сокровищемъ возвращены были съ поржешествомъ, при радостныхъ восклицанїяхъ народа. Ихъ сопровождали жрецы, и съ раскаянїемъ просили у меня прощенїя за ихъ прежнюю наглость. — Намѣспникъ Далай-Ламы, бывъ увѣренъ Посломъ о перемѣнѣ моихъ мыслей, съ прїязнїю ко мнѣ возвратился, и получивъ на первый случай сошню юзлуковъ и праздничное облаченїе, совершенно забылъ прежнюю мою обиду.

Въ двадцатый день мѣсяца Быка, въ прекраснѣйшее утро, при

спеченіи всего веселящагося народа, Аспраханцы переселились въ свои новыя жилища, а ошпуда поспѣшили въ мечеть, гдѣ Великій Муфшій Шамагуль со всевозможнымъ поржесшвомъ совершилъ богослуженіе. — Изъ мечети, съ шѣмъ же народомъ, ошправились всѣ во храмъ Макука, гдѣ къ неописанному удивленію и радости шощъ же Муфшій, рукоположеніемъ Намѣшника, поставленъ въ первосвященники, и въ новомъ званіи ошправилъ священнодѣйствіе. Я восхищался успѣхомъ своихъ преднамѣреній.

Г Л А В А 30я.

З а к л ю ч е н і е.

Занимаясь такими умными, общеплезными дѣлами, не забывалъ я удовлетворяшь и спрасшкымъ шребованіямъ моего сердца.

Удосужась ошь дневныхъ прудовъ, я и еще кто-либо изъ ближайшихъ вельможъ моихъ сѣдлись на Кабардинскихъ коней въ наилучшемъ нарядѣ, и какъ изъ лука стрѣла пускались къ Ларсу. Мирзабекъ и прелестная дочь его принимали насъ съ сердечною радостію, поднимали пышное угощеніе и разсуждали о будущемъ, кошорое представляло намъ одни радостныя виды.

Когда въ послѣдній разъ извѣспиль я Мирзабека объ освященіи храмовъ и о переселеніи новыхъ подданныхъ на поспоянныя жилища, то предложилъ ему, что неудовлетвореніе спраспи моея спановишся для меня шягосшно, мучительно, а посему усиленно просиль не опкладывашь далѣе моего счасстія. — Любезный Князь! опвѣчалъ съ дружелюбіемъ Мирзабекъ: шеперешнія дѣла швои досшойны квалы ошь людей и одобренія ошь боговъ. Черный Годъ швой вылѣ-

чилъ себя ошъ обыкновенныхъ молодымъ Князьямъ болѣзней: спѣси, кичливости, безразсудности, своеугодливости и шому подобныхъ, и шы непосредственно сдѣлаея сильнѣйшимъ владѣльцемъ во всемъ сосѣдствѣ. Тебѣ недоспаешъ шолько доброй жены, чшобѣ бышъ въ полной мѣрѣ довольнымъ своею участью. Ты найдешъ сокровище сіе въ моей Сафирѣ; но послушай, чшо говоришь ея дѣвичья полишика.

— Ты шеперь по числу подданныхъ, ихъ усшройству, своему богатству — можешъ назвашься первымъ изъ Горскихъ Князей, обитающихъ надъ ущельями Кавказа по рѣкѣ Тереку. Слухъ имени швоего достигнешъ до предѣловъ Кайшеура, и многіе изъ владѣльцевъ — одни изъ любопыштва, другіе — для снисканія ошъ себя пріязни — время ошъ времени являшья будущъ ко Двору швоему. И шакъ, не шребуешъ ли обыкновенное приличіе, чшущъ по швоему полишика, чшо-

бы дворець владѣльца въ обширности и великолѣпнѣи не уступалъ храму Божескому? И такъ повпорю любезный сынъ, съ завшрешняго дня со всѣмъ обязаннымъ тебѣ народомъ примись за поспроеніе себѣ дворца на ровномъ мѣстѣ между мечешью Магомешовой и храмомъ Макуковымъ. Это приличнѣйшее для сего предмета мѣсто. Но чтобы въ полной мѣрѣ могъ ты назвать козлы свои прочными, непоколебимыми, надобно, чтобы прежде самъ ты почно увѣрился въ непоколебимой вѣрности къ тебѣ новыхъ Аспраханскихъ выходцевъ; а къ сему нѣтъ лучшаго средства, какъ снабдивши ихъ домами и имущесствомъ, снабдиши женами оныхъ племенъ Горскихъ. Чтобы не затруднить тебя въ семъ обстоятельстве, по я изъ моего Ларса уступаю тебѣ двадцать Осешинокъ, съ запластою оныхъ тебѣ по 25 юзлуковъ за каждую, не для себя, но для семействъ ихъ. Надѣюсь, что и

Часть IV.

С

бывшій свашь мой Кунакъ во владѣннн своемь наберешь сполько же безродныхъ или вдовыхъ красавиць, кои лишаюся надежды найши мужей изъ своего народа. Оспальныхъ купимь мы по мвлочамъ у сосѣднихъ Князей. Даю тебѣ честное слово Княжеское, что какъ скоро два сн обспояшельства приведены будушь въ исполненіе, шо Княжна Сафира съ радостію и любовію навсегда тебѣ опдашся.

Испышавъ сполько прудноспей — въ печеніе моего Чернаго Года, и перенесши всѣ съ должнымъ мужеспвомъ, — я условіе Мирзабека счипаль весьма удобнымъ къ исполненію, и если что заспавило меня поморщншься, пакъ одна мысль, что я опъ главной прелестной цѣли опдаляюсь еще по крайней мѣрѣ на десяшь дней. Въ семъ обспояшельствѣ ушѣшала меня мысль, что спроеніе и украшеніе дворца и женишьба моихъ подданныхъ займушь нѣсколько прншно

сей промежутокъ времени, и я далъ слово, не меньше Княжеское, каково было Мирзабеково, что не прежде зайнусь о послѣднемъ своемъ желаніи, какъ оконча все порученное.

На другой день съ восходомъ солнечнымъ, по звуку трубы, собрался народъ мой на равнинѣ между храмомъ и мечешью, и я объявилъ имъ о необходимости имѣть для себя дворецъ на семь мѣстъ, и объ ошеческомъ желаніи видѣть всѣхъ Аспраханцевъ женашыми. Всѣ изъявили радостное согласіе; работа началась подъ надзоромъ Бекшемира и Фейзула, а Сейфуль посланъ къ Мирзабеку съ должнымъ числомъ юзлуковъ для заплашы за обѣщанныхъ невѣстъ. Въ полудню онъ прибылъ въ брачныхъ одеждахъ въ сопровожденіи друзей и сродниковъ. Великій Муфшій избралъ двадцать Аспраханцевъ и обвѣнчалъ ихъ, половину въ мечеши, а половину во храмѣ.

Послѣ сего каждый новобрачный увелъ свою любезную въ домъ свой съ ея родными, гдѣ и дозволено было имъ возможнымъ образомъ веселиться цѣлый день, а кто хочеть, по и всю ночь, полько бы поущру выходилъ каждый на работу.

Все шло наилучшимъ порядкомъ. Въ теченіе двѣнадцати дней дворець мой, великолѣпнѣйшій дворца Казбекова, былъ опдѣланъ начиспо и украшенъ наилучшимъ образомъ. На стѣнахъ висѣли копия, щипы, луки и колчаны, полъ устланы были цвѣтными цыновками и войлоками, а внутренній покой коврами Моздокскими. Ташары мои всѣ пережились и воздавали въ мечети и въ домахъ своихъ благодареніе Аллѣ и Магомешу за дарованіе имъ споль мудраго и добраго властелина.

Наспалъ наконецъ день, сполько для меня вождедѣнный, день, въ

который надѣялся я сдѣлаюсь счастливейшимъ изъ всѣхъ Кайшуковъ, Свѣшлѣйшихъ предковъ моихъ, начиная опъ перваго до двадцать четвертаго. Мнѣ казалось, что въ день сей и солнце свѣпшъ блистательнѣе, и дерева сдѣлались зеленѣе, права мягче, цвѣпы душистѣе. Подданные мои, старые и новые, съ женами и дѣпьями, одѣлись великолѣпно и полпились около храма Макукова. Когда же возвѣщено было, что Свѣшлѣйшая невѣспа съ высокимъ родшвомъ своимъ, на гордыхъ иноходцахъ, вступила въ предѣлы моего Княжества, то я, окруженный вельможами и пѣлохраниителями, пошелъ мѣрными шагами ей на встрѣчу, и какъ присшойно полищичному жениху, принялъ ее съ коня въ свои объашія и проводилъ до самаго храма, гдѣ при звукѣ шрубъ и бубновъ Великій Первосвященникъ Шамагуль во имя всеблагаго Макука соединилъ меня съ нею неразрывными узами. — Излишнимъ считаю

объявляшь, что пиръ въ новыхъ палапахъ моихъ былъ самый великолѣпный, какого на Кавказскихъ горахъ до меня не видывали. Всякой также легко догадаешся, съ какимъ воспоргомъ встрѣшилъ я минушу, въ которую моя Княжна, — долженствовала сдѣлаться Княгиней.

К о н е ц ъ.

въ новыхъ
мый велико-
казскихъ го-
али. Всякой
я, съ какимъ
я минушу,
на, — дол-
Княгиней.

Colour Chart #13

Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

Inches
Centimetres

DANES
PICTA
.COM

4. 2.50
nep. 2.00

350=

